

БЕГУШИЙ ЗА ОБЛАКАМИ

ИСКАНДАР ШОНЕМАТ

Искандар Шонемат

Бегущий за облаками: Téméraire

Серия «Бегущий за облаками», книга 1

<https://litres.ru/73506053>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бегущий за облаками: Tmraire приключенческий роман о цене свободы, верности тем, кто рядом, и о том, что иногда единственный путь вперёд это прыгнуть в бурю.

Мир без солнца. Города, парящие над мёртвой землёй. И корабли, уходящие в грозу за жемчугом, который стоит человеческих жизней.

Арно де Тенебр потерял всё, кроме имени и старого корабля с характером. Tmraire не просто судно. Это живая история тех, кто летел до него, и тех, кто полетит после.

Французский авантюрный роман в мире, где небо враждебно, элиты продажны, а героями становятся те, кому нечего терять кроме друг друга.

Содержание

Глава 1. Первая охота	4
Глава 2. Возвращение в Тенебр	22
Глава 3. Дом, милый дом	47
Глава 4. Ветер переменился	73
Глава 5. Белый камень, черный счёт	88
Глава 6. Наблюдатель	119
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Искандар Шонемат

Бегущий за облаками: Téméraire

*«Воистину, чудо случается с тем, кто готов за
него заплатить.»*

— Фульгор

Глава 1. Первая охота

Голос прогремел так, что перекрыл сам шторм, бьющий по палубе:

– Все на борт! Тросы – к мачте. Поцелуй с Фортуной через минуту!

Старый штурман Фульгор держал карту ветров вверх ногами, наклонив голову набок. Его серый глаз жил собственной жизнью – метался из стороны в сторону, высчитывая невидимые потоки, в то время как синий, глубокий, как сама бездна, оставался неподвижен, вглядываясь в показания приборов. Сигара, зажата в зубах, дымилась, как вулкан среди серых кучевых облаков его бороды, и запах крепкого табака мешался с резким озоном, заполнявшим палубу.

Капитан стоял на мачте. Он казался не человеком, а продолжением корабля – высокий, крепко сложенный силуэт,

вписанный в грохот бури. Никакой театральной позы, только расслабленная, но неумолимая готовность, как у хищника перед прыжком. Это была не выправка – это была закалка, полученная в столкновениях с небом. Арно смотрел на бушующую тьму впереди и на долю секунды задумался: сколько ещё продлится его удача? Но тут же отогнал эту мысль. Сейчас не время.

Вокруг били молнии – близко, даже слишком. Но металлические сетчатые крылья его корабля ловили большую часть разрядов, с тихим шипением переправляя их в накопители в трюме. Гул от этого был постоянным, низкочастотным, почти успокаивающим для тех, кто привык.

С палубы поднялась песня. Братья Дюваль вели шанти, а матросы подхватывали, одновременно работая, будто сам ритм песни держал корабль в небе:

Помогите – я сгораю!

Поскорее горе ты запей.

Помогите – убивают!

Знал, на что пошёл, коль стал волком кораблей.

Помогите – обдирают!

Ну а тут беда – доставай пистоль скорей!

Жан-Мишель, слепой скрипач, вёл мелодию не глядя. Его пальцы порхали по струнам, безошибочно находя нужные ноты. Он не видел неба. Не видел туч. Но слышал их. Говорил, что молнии поют на частотах, которые не слышны обычным людям. Что перед ударом воздух меняет тембр.

Арно верил. Жан-Мишель ни разу не ошибся.

Рядом с ним Люк отбивал ритм на бортовом барабане – старом, обтянутом кожей неизвестного зверя. Удары были ровными, как пульс. Команда двигалась в такт. Тянула тросы, крутила лебёдки, поднимала паруса – всё синхронно, как единый организм. Глухота не лишала его возможности чувствовать ритм всем телом.

Пьер, младший из братьев, держал флейту наготове. Он не играл сейчас – берёт дыхание. Но когда начнётся охота, его сигналы будут направлять ныряльщиков в тучах.

Коды, выработанные годами. Язык, понятный только своим. Потому что обычный был недоступен немому музыканту, да и был излишен.

Téméraire трещала и скрипела, но держала курс – прямо в чёрную тучу, растянувшуюся от горизонта до горизонта. В её нутре молнии стелились горизонтально, как живые.

– Снасти готовы! – доложил старший из Barbus – ветеранов, бородачей, летавших ещё при Готье. Их лица были картами войны с небом: шрамы от молний, обожжённые брови, седина в волосах раньше времени. Но руки твёрдые.

Barbus умели выживать. Они пережили шторма, которые топили целые флотилии. Они видели, как гибли корабли и люди. Они теряли товарищей, друзей, братьев.

И продолжали летать.

Потому что альтернатива – голодная смерть внизу, в Те-небре, где без жемчуга не работают реакторы, не горит свет,

не крутятся мельницы.

На мачте старший из Hironnelles – Ласточек, быстрых, молодых, гибких. Они работали на мачтах, ловили ветер, читали тучи как книгу и ставили паруса – махнул рукой: Крылья Мадемуазель Тéméraire подняты.

Молодые салаги – Verts – тряслись от страха и восторга, вцепившись в тросы побелевшими руками. Они боялись, но не показывали.

Потому что страх в небе – это смерть. Замешкаешься – упадёшь. Запаникуешь – погубишь товарища.

Среди них выделялся один – рыжий, с россыпью веснушек на обветренном лице. Шарль. Ему было семнадцать, он попал на корабль два года назад и совсем недавно получил повышение до Casse-Cous – за проворность и умение читать потоки там, где другие видели лишь хаос.

Арно помнил, как Шарль пришёл на корабль. Тогда ещё с матерью и младшей сестрой. Все худые, в потёртых одеждах, стояли на причале и смотрели, как мальчик поднимается по трапу.

"Капитан," сказала мать. Голос дрожал. "Вы вернёте его?"

Арно не ответил сразу. Посмотрел на мальчика – рыжего, веснушчатого, с горящими глазами. На мать – измученную, постаревшую раньше времени. На сестру – рыжую, как брат, с таким же упрямым подбородком.

"Я постараюсь," сказал он честно. "Но небо не даёт гарантий."

Мать заплакала. Сестра Шарля обняла её.

А Шарль поднялся на борт и не оглянулся. Он сам принял это решение и был готов увидеть то, к чему оно его приведет.

Сейчас он смотрел на капитана снизу вверх с таким обожанием, что, казалось, готов был прыгнуть в бурю даже без ранца. Рядом с ним более опытный матрос – Берто, ветеран с шрамом через всё лицо – хлопнул его по плечу и прокричал сквозь ветер:

– Глаза открой шире, салага! От страха бегать быстрее надо, а не столбом стоять!

Шарль кивнул. Вцепился в трос крепче.

Арно спрыгнул с мачты, приземлившись на палубу с кошачьей грацией. В тот же миг Рене перехватила его, закрепляя стропы на груди. Её пальцы, в облегающих перчатках, двигались быстро, но с удивительной точностью. Она не смотрела на него, сосредоточенно проверяя каждую пряжку.

– Похоже, сегодня Грозовой перевал щедрее обычного, – сказал капитан, усмехаясь.

– У всякой щедрости есть цена, Арно, – ответила старпом, затягивая ремни на его плечах. – И молись, чтобы сегодня платили не жизнью.

Удар молнии в металлическое крыло заглушил их на мгновение. Корабль взвыл.

– Может, ты и права... – сказал он, натягивая тёмные очки с круглыми стёклами на кожаном ремне. – Они сегодня буйные.

Рене дёрнула последний ремень, проверяя. Её лицо было в нескольких сантиметрах от его. Он видел серые глаза – холодные, сосредоточенные. Видел тонкую морщинку между бровей, которая появлялась, когда она волновалась.

– Если станет совсем плохо, – сказала она тихо, так, чтобы слышал только он, – возвращайся сразу. Не геройствуй.

Он усмехнулся.

– Когда это я геройствовал?

Она не ответила. Просто отступила на шаг, отпуская его.

Арно развернулся к палубе. Вдохнул. Выдохнул.

Спокойствие. Только спокойствие. Команда смотрит. Они должны видеть уверенность.

Он повернулся к палубе и крикнул:

– Эй! Кто загонит Синюю – того угощаю в Тенебре! И с дочкой пекаря познакомлю!

Ответом стали рёв, смех и стук сапог. Личная гвардия Casse-Cous – сорвиголовы Téméraire. Те, кому нечего терять.

– ДЕРЖИ КУРС! – проорал Фульгор, и его бас, казалось, завибрировал в унисон с громом.

Корабль рассёк тучу носом и вошёл в Перевал. Видимость упала до нуля. Остался только гул, ветер и вой магнитных ранцев.

Арно развернулся к Рене, сделал нарочито изящный поклон.

– Adieu!

И, разбежавшись, нырнул в бездну.

Первая секунда падения всегда была самой страшной. Когда палуба исчезает под ногами, когда живот подскакивает к горлу, когда мозг кричит: ты умираешь, ты падаешь, ты мёртв.

Потом включался ранец.

Щелчок. Гудение. Магнитное поле входило в резонанс с корпусом *Téméraire*, и падение замедлялось, превращаясь в управляемый спуск.

Сорвиголовы шагали за борт без колебаний. Один за другим. Чёрные фигуры, проглатываемые серой пастью туч.

Магнитные ранцы щёлкали, входя в резонанс, и в ушах ныряльщиков возникал неприятный, зудящий звук – высокочастотный писк, от которого закладывало в ушах. Арно давно привык. Научился не обращать внимания.

Тросы тянулись за ними – не просто страховка, а живая пуповина. По ним шло питание для ранцев, по ним передавались сигналы, по ним можно было вернуться, если потеряешься в тучах.

Обрубить трос – значит умереть. Медленно, в темноте, в одиночестве, когда заряд ранца кончится, и ты начнёшь падать.

Никто не терял своего троса по желанию. Никогда.

Ныряльщики уходили в облака, работая в парах. Арно скользнул вниз, чувствуя, как холодный, влажный воздух обжигает лицо даже сквозь очки.

Холод. Всегда этот проклятый холод. Воздух здесь, в Пе-

ревале, был не просто холодным – он был мёртвым. Лишённым тепла, жизни, солнца. Вдыхать его – всё равно что глотать лёд.

Мир вокруг был чёрно-белым. Серые тучи, чёрные силуэты товарищей, вспышки молний. Только редкие разряды выхватывали из тьмы детали – крыло гром-птицы, трос, лицо ныряльщика.

Станганы в их руках трещали приглушённо. Электрические разряды, слабые, безопасные – чтобы гонять добычу, не убивая. Сети разворачивались в воздухе, блестя тонкой металлической паутиной.

– Лепёшки справа! – проорал кто-то, и голос тут же утонул в вое ветра.

Плоские, как раздавленные скаты, гром-птицы скользили между слоями туч, оставляя за собой электрический след – голубоватое свечение, которое гасло через секунды.

Лепёшки. Мелочь. Жемчуг в них маленький, энергии мало. Но если взять штук десять – хватит на неделю для одной семьи.

Один загонял выстрелами и маневрами. Второй преграждал путь сетью.

Вспышка – разряд – поймана.

Сеть схлопывалась, добыча билась, визжала – высоко, пронзительно, почти человечески. Но трос, ведущий к корме Мадемуазель Тéméraire, уже натягивался, и тело птицы уносило вверх – на борт, в клетки, где её будут держать живой

или вырежут жемчуг, разделяют на части.

Работа была отточена до автоматизма. Для Арно сейчас это была даже не охота, а своего рода медитация – он видел перед собой только цели и траектории. Мозг работал на автопилоте, тело двигалось само.

Птица слева – траектория северо-восток – скорость средняя – расстояние сокращается.

Станган – выстрел – попадание – она сворачивает.

Товарищ справа – сеть наготове – бросок – захват.

Следующая.

Капитан держался выше всех. Он не ловил и не загонял – он вёл своих людей. Смотрел сверху, видел картину целиком. Кто где, кто в опасности, кто слишком далеко зашёл.

– Левее! Не дави – она зарядится! Рывок – сейчас!

Его два пистолета, Vérité и Artifice, вспыхивали коротко и точно, сбивая опасные разряды, если кто-то из команды оказывался слишком близко к молнии.

Vérité – Правда. Правая рука.

Artifice – Уловка. Левая рука.

Они были с ним с первого года как он вышел в небо. Никогда не подводили. Вместе они спасли больше жизней, чем Арно мог сосчитать.

И тут из туч вынырнула она.

Синяя. Настоящая. Не птица – молния, обретшая плоть. Размером с двух человек, крылья переливались электричеством, каждое движение оставляло в воздухе светящийся

след.

– Шарль, справа! – крикнул кто-то.

Шарль уже видел. Сердце ухнуло в пятки, но руки сделали своё дело – сеть легла идеально. Он не думал, не рассчитывал, просто сделал, как учили. Металлическая паутина накрыла птицу, та дёрнулась, забилась, но трос натянулся, и добыча пошла вверх.

Синяя. Опасная. Жемчуг в ней размером с детский кулак, энергии хватит на месяц для целой улицы в Тенебре. За неё в Версе платят столько, что можно не летать недельку.

Очень опасная.

– Есть! – заорал Шарль. – Я поймал! Я поймал Синюю!

В голосе его было столько восторга, что даже сквозь вой ветра его слышали все. Кто-то засвистел, кто-то зааплодировал прямо в воздухе.

Арно усмехнулся:

– Молодец, парень! Но не расслабляйся.

И небо ударило.

Грохот был другим – глубже и громче. Не хлёсткий удар, а рокот, от которого, казалось, вибрировали сами кости. Воздух сжался, стал плотным, тяжёлым. В ушах заложило.

Casse-Cous замерли на долю секунды.

Что это?

Синяя вспышка разорвала тучу, за ней – молния, толстая, как мачта. Не вертикальная, как обычно. Горизонтальная. Прошла в пятидесяти метрах от них, оставив в воздухе запах

горелого озона и паленых волос.

– ЕЩЁ СИНЯЯ! – заорал кто-то, не сдержавшись.

И все рванули.

Вторая. Ещё опаснее первой. Крупнее, злее, быстрее.

Шарль, окрылённый успехом, рванул следом. Он должен был взять и эту. Должен был доказать, что его первая победа – не случайность.

– Шарль, назад! – крикнул Арно, но ветер унёс слова.

Птица металась, резала облака, пытаясь уйти вверх, вниз, в сторону. Шарль преследовал, выжимая из ранца всё. Ещё немного, ещё чуть-чуть – и сеть коснётся крыла.

Но птица была быстрее.

Гонка, полная азарта, где приз не просто добыча, но и уважение капитана, и деньги, и слава в Тенебре, где про Синих говорят с уважением.

Сети летели одна за другой. Промах. Ещё промах. Станганы били, оставляя на её теле вспышки света, но она не замедлялась.

Всё смешалось в бешеном танце. Люди, птица, молнии, крики.

Ещё чуть-чуть. Ещё рывок.

И тогда из туч раздалось второе эхо. Потом – третье.

Горизонт вспыхнул сразу в нескольких местах. Синие разряды множились, как раковые клетки.

– ...миграция, – сорвалось с губ Арно.

Слово, которое любой охотник боится произнести вслух.

Миграция. Когда птицы не поодиночке, а стаями. Когда они не разрозненны, а синхронны. Когда они не убегают, а атакуют.

Миграция убивает корабли. Целиком. Без остатка.

Синие вспышки множились. Молнии ложились слоями, переплетались, создавали сеть из чистой энергии. Воздух становился вязким, как смола. Дышать становилось трудно.

– ОТХОД! – рявкнул капитан. – ВСЕ НАВЕРХ! СЕЙ-ЧАС!

Но было поздно.

Шарль – тот самый рыжий парнишка, что ещё минуту назад смотрел на капитана с обожанием – запутался в собственном тросе. Магнитный ранец заглох, перегруженный помехами. Он повис в воздухе, беспомощный, дёргаясь, пытаясь распутаться.

А молния шла прямо на него.

Толстая. Синяя. Смертоносная.

Три секунды до удара.

Арно не думал. Инстинкт сработал быстрее разума.

Две.

Он рванул вниз, выжимая из ранца всё, на что тот способен. Гудение перешло в вой. Металл нагрелся, обжигая спину сквозь куртку.

Одна.

Разорвал дистанцию, ударил из Vérité почти в упор, сбивая заряд – выстрел в молнию, безумие, которому их учил

ещё Готье: «если не можешь уклониться – руби в лоб» – и врезался плечом в ныряльщика, отталкивая его в сторону корабля.

Удар был такой силы, что у него самого перехватило дыхание. В плече что-то хрустнуло – не сломалось, но будет болеть неделю. Воздух вылетел из лёгких. Мир закрутился.

Но Шарль жив.

Синяя гром-птица вырвалась. Улов ушёл. Но трос натянулся, и человек остался жив.

Шарль, бледный до синевы, смотрел на капитана расширенными от ужаса глазами. Ожоги на руках – красные, волдырями. Рыжие волосы дымятся, прилипли ко лбу. Веснушки проступили ещё ярче на побелевшей коже. Губы дрожат.

– Жив? – выдохнул Арно, хватая его за плечо.

Голос сорван. Горло болит от крика.

– Д-да, капитан... – прохрипел Шарль.

Руки трясутся. Но держит. Держится.

– Тогда наверх! – рывкнул Арно, подталкивая его к тросу.
– Живо! Пока они не вернулись!

Шарль кивнул – резко, дёрнуто – и полез, цепляясь побелевшими пальцами за спасительную верёвку. Медленно. Неуклюже. Но вверх.

Охота была окончена.

Вернувшись на борт, Арно не стал переводить дух. Ноги едва держали – адреналин отступал, оставляя усталость. Плечо ныло. Лёгкие горели от холодного воздуха.

Но он стоял прямо. Капитан не показывает слабость.

Он лишь мельком взглянул на Шарля, которого уже окружили товарищи, хлопая по спине, проверяя ожоги, отпаивая из фляги.

Жив. Слава богу, жив.

– Гаспар, – бросил Арно. – Обезопась отход.

Огромный канонир с кожей цвета полированного эбенового дерева уже разворачивался. Без лишних слов он исчез в люке, ведущем в кормовой отсек.

Корпус *Téméraire* под ногами дрогнул – не от удара, а изнутри. Гидравлика взвыла – протяжно, натужно. Палуба в кормовой части начала расходиться. Медленно, со скрежетом металла по металлу, две половины кормы раздвигались в стороны, словно корабль раскрывал пасть, готовясь проглотить само небо.

В образовавшейся расщелине показалось массивное дуло. *Grand-père Ours* – Дедушка Медведь – рельсотрон, который помнил ещё первые рейды *Téméraire* при Готье, выдвигался из чрева корабля, набирая высоту.

Grand-père Ours зарычал.

Рельсовые снаряды вылетали со скоростью звука, оставляя в воздухе ионизированный след. Синие вспышки рвались в тучах, не доходя до корпуса. Птицы разлетались, как испуганная стая воробьёв.

Гаспар знает своё дело.

– Фульгор, – Арно подошёл к штурману. – Идём на Те-

небр. Переждём шторм.

Старый штурман что-то пробормотал – не слова, скорее мычание, будто отвечая не капитану, а самому небу. Извечный разговор глухого с бурей. Он перевернул карту ветров обратно, ухватился за штурвал узловатыми пальцами и начал медленно его крутить, подстраивая курс под капризы Перевала.

Его серый глаз дёргался, улавливая то, чего не видели остальные – завихрения, потоки, карманы спокойного воздуха в бушующем хаосе. Синий глаз следил за приборами – стрелки прыгали, катушки гудели, но Фульгор читал их как партитуру.

Матросы принялись за работу. Кто-то разворачивал паруса, кто-то натягивал канаты, кто-то латал пробоины в корпусе горячими заплатами. Работа кипела – молча, слаженно, без суеты.

– Рене, – Арно обернулся к старпому. – Посчитай добычу.

Рене уже доставала журнал – кожаный, потёртый, с заметками ещё Готье на первых страницах. Перо двигалось быстро, точно, как при фехтовании. Каждая цифра – укол. Каждая запись – парирование.

Топливо – расход. Улов – приход. Повреждения – ремонт. Всё становилось цифрами. Потому что цифры не ранят. Не напоминают, что сегодня могли погибнуть люди.

– Месье Пинсе. Осмотрите Casse-Cous.

Вивьен Ля Пинсе появился словно из воздуха – из своей

каюты, где вечно пахло маслом, озоном и чем-то сладковатым, химическим. Он кивнул – коротко, без слов. Лицо под тёмными очками было бесстрастно, как у врача перед операцией.

Мадемуазель GIGO – его протез, левая рука от плеча – щёлкнула, трансформируясь. Клешня сложилась, уступив место набору медицинских инструментов. Металл будто нетерпеливо подрагивал – работа начиналась.

Пинсе прошёл к Шарлю, который всё ещё дрожал, обёрнутый в одеяло. Не говоря ни слова, он начал осмотр. Механическая рука легко скользила по телу парня – проверяя целостность костей, прощупывая органы, измеряя пульс.

Никто не говорил. Все ждали вердикта.

– Жить будет, – бросил Пинсе наконец. – Ожоги второй степени. Ушиб рёбер. Нужно чуть отдохнуть и будешь в норме.

Облегчённый вздох прокатился по палубе.

Гаспар полировал Grand-père Ours. Медленно, аккуратно. Тряпка скользила по металлу, удаляя грязь, копоть, следы боя. При этом приговаривал: «Ты хорошо поработал, старина!».

Огюст, кок корабля, проходил мимо:

– Ты разговариваешь с ним?

Гаспар не оторвался от работы:

– А ты с кастрюлями нет?

Огюст рассмеялся:

– Справедливо.

Он подошёл ближе. Посмотрел на пушку.

– Красивая.

– Он не красивый, – ответил Гаспар. – Он верный.

Он похлопал пушку. Как похлопывают старого друга.

– Когда я был в армии, – продолжил он, – у меня была дру-
гая пушка. Безымянная. Просто номер. Сто двадцать третья.

– И?

– И она взорвалась. Прямо во время боя. Убила троих мо-
их людей.

Гаспар замолчал. Лицо потемнело.

– С тех пор я даю им имена. Все мои пушки. Потому что
если относишься к вещи как к пустому месту, она подведёт.
Сломается, предаст, выстрелит не туда.

Он посмотрел на Огюста.

– Но если у неё есть имя – она не бросит. Как человек.

Огюст кивнул.

– Понимаю.

Он похлопал Гаспара по плечу и ушёл.

Гаспар остался. Продолжал полировать.

– Хороший мой, – шептал он. – Ты меня никогда не под-
водил. И не подведёшь.

Пушка молчала. Но Гаспар знал: он слышит.

Корабль стонал, скрипел, но держал курс. Гроза пресле-
довала их как хищник, ведущий добычу, но Тéméraire, зали-
зав раны, уходила всё дальше – прочь от Перевала, в сторону

дома.

В сторону Тенебра, где ждали семьи, где горели огни, где надеялись на улов.

Арно стоял у борта и смотрел назад – туда, где тучи клубились, где молнии били, где они чуть не потеряли человека.

Ещё один рейс. Ещё один день.

Сколько их будет? Сколько раз мы будем возвращаться на волосок от смерти?

Сколько раз удача будет на нашей стороне?

Он не знал ответа.

Но знал одно: они полетят снова.

Потому что альтернатива – голод. Темнота. Смерть.

А пока корабль держится – они летают.

Глава 2. Возвращение в Тенебр

Корабль опускался медленно, будто не хотел касаться земли. Будто знал: стоит коснуться – и снова придётся подниматься. Снова в тучи, в холод, в молнии.

Под кормой *Téméraire* стелилась вязкая полутьма. Воздух здесь был другим – плотнее, тяжелее, насыщенным запахом озона и чего-то металлического, что оседало на языке горьким привкусом. Далеко внизу виднелась земля, почти лишённая жизни. Её поверхность была испещрена ударами молний – чёрные шрамы, расплзающиеся по серому камню, как трещины на старом зеркале.

Молнии били периодически, освещая вспышками пространство на секунду-две. В эти мгновения Арно видел пустоту. Ни деревьев, ни травы, ни даже кустарника. Только мёртвая земля, обугленная тысячами разрядов.

Давным-давно здесь были поля. Готье рассказывал – пшеница колосилась по пояс, картофель рос без теплиц, люди жили на земле. А потом случился катаклизм, грозowymi тучами вспоровший небо. И всё умерло. Сгорело, высохло, превратилось в пепел.

Теперь мы живём на земле, лишенной солнца. Подвешенные между подобием жизни и ее полным отсутствием. Цепляющиеся за те крохи, что имеем, как моллюски за камни.

Это не жизнь. Это существование.

Арно сжал перила мостика. Металл был холодным даже сквозь перчатки. Шершавым от дождя и копоты.

Но другого дома у нас нет.

Тенебр возник из полумрака не сразу.

Сначала – чёрные молниеотводы. Десятки, сотни – торчали, как гвозди, вбитые в край света. Высокие, тонкие стержни из почерневшего металла, увенчанные медными наконечниками. Они тускло поблёскивали в редких вспышках, притягивая молнии к себе, отводя энергию в накопители.

Без них город сторел бы за день. Молнии били бы по домам, по теплицам, по людям. Мы научились воровать у неба. Превращать смерть в энергию.

Потом – гигантские теплицы.

Они светились изнутри ровным, тёплым, но искусственным сиянием, словно сердце, упрямо бьющееся в теле, которому давно полагается умереть. Стекланные купола размером с корабль. Внутри – зелень. Единственная зелень на сотни километров вокруг.

Арно видел фигуры за стеклом. Садовники, согнувшиеся над грядками. Готье среди них. Старый капитан теперь выращивал томаты вместо того, чтобы охотиться за молниями.

Каждый находит свой способ остаться полезным. Готье выбрал землю. Я выбрал небо.

И лишь затем – сам город.

Лачуги из досок и ржавого металла, сбившиеся в кучу, будто пытающиеся согреться друг о друга. Низкие дома с

покосившимися крышами, латаными стенами, окнами, затянутыми промасленной бумагой вместо стекла. Улицы узкие, извилистые – не по плану, а по необходимости. Каждый дюйм пространства на платформе был дорог.

Свет использовался с осторожностью. Тусклые фонари через каждые десять метров – не больше. Энергия стоила жизнью. Каждый жемчуг, каждая капля в батареях – это чья-то зарплата, чья-то еда, чей-то шанс прожить ещё неделю.

Тенебр не блистал. Он тлел. Еле-еле держался. Но держался.

В центре платформы раскинулась площадь Le Cœur des Ténèbres.

Название ироничное. Но честное.

Туда Téméraire и заходила на посадку.

Когда корабль коснулся платформы – мягко, почти нежно, с протяжным скрипом амортизаторов и шипением паровых клапанов – город взорвался голосами.

Люди бежали.

Не к добыче, не к клеткам с гром-птицами – к своим. Жёны в потёртых платьях, дети босиком, старики, опирающиеся на палки. Кто-то плакал – громко, навзрыд, не стесняясь слёз. Кто-то кричал имена – срывая голос, захлёбываясь от облегчения. Кто-то просто бежал молча, расталкивая других.

Команду встречали не как добытчиков. Как героев.

Потому что каждый выход в небо – это шанс не вернуться.

И каждое возвращение – это чудо, которое повторяется, но не становится привычным.

Арно стоял у трапа, позволяя команде сойти первой. Капитан всегда последним. Традиция старая, как сами корабли. Уважение к тем, кто рискует жизнью. Ответственность за каждого, кто поднимается на борт.

Он смотрел, как его люди обнимают своих.

Один из Varbus – старый ветеран с седой бородой до пояса – обнимал двух внуков. Мальчишки висели на нём, как на дереве, кричали что-то, но он молчал. Просто держал. Крепко. Глаза закрыты, губы шевелятся – молитва или благодарность, Арно не знал.

Этот старик потерял сына в небе пять лет назад. С тех пор каждый рейс прощается с внуками как в последний. Бойтся, что не вернётся. Бойтся оставить их сиротами.

Но летает. Потому что альтернатива – голодная смерть.

Затем он нашел глазами Шарля.

Молодой Casse-Cous сидел в тени такелажа, отвернувшись от площади.

Половина лица была перевязана – белая ткань, уже серая от грязи. Под повязкой темнела грозовая метка – свежая, ещё красная. Шрам, который останется на всю жизнь походил на корни дерева разросшиеся по лицу.

Взгляд – пустой и тяжёлый. Он смотрел в никуда, сквозь стены, сквозь город, сквозь мир.

Прятался. Не от толпы. От родных.

Стыдится.

Арно узнал это выражение. Видел раньше. Молодые охотники после первого серьёзного ранения. Они думают, что подвели. Что недостаточно сильны. Что должны были справиться сами.

Глупость. Но понятная.

Он подошёл тихо. Присел рядом на бочку с маслом. Молча достал флягу с водой. Сделал глоток. Протянул Шарлю.

Парень взял. Выпил. Выдохнул.

– Что случилось? – спросил Арно негромко.

Шарль не сразу ответил. Смотрел на флягу в руках, крутил её, будто искал там ответ. Пальцы дрожали – не от холода, от напряжения.

– Я... – голос сорвался. Он сглотнул, попробовал снова. – Я испугался смерти. И всё пошло наперекосяк.

Арно кивнул, будто услышал самое обыденное признание. Вот оно. Вина.

Арно знал это чувство. Слишком хорошо.

Когда я был таким же молодым, тоже думал, что должен быть идеальным. Что ошибка – это конец. Что страх – это слабость.

Потом понял: страх – это нормально. Все боятся. Вопрос в том, что ты делаешь, несмотря на страх.

– Боятся – нормально, – сказал он просто, без нравоучений. – Все боятся.

Пауза.

– Храбрость – это не отсутствие страха. Храбрость – это сделать то, что должно, несмотря на него.

Шарль поднял глаза. В них читалось недоверие. Почти детское.

– Даже вы, капитан?

Арно усмехнулся, почти грустно. Помолчал, подбирая слова. Посмотрел на небо – чёрное, плотное, вечное. Туда, где прятались тайны и смерть.

– Рассказать тебе легенду?

Глаза парня вспыхнули.

– Где-то в этом мире есть Золотая молния, – Арно указал в небо, туда, где за тучами скрывалось что-то большее. – Старые пираты говорят, что с неё всё и началось. Что она была первой. Источником всех гром-птиц. – Он сделал паузу. – Говорят, если поймать её за хвост – обретёшь бессмертие.

Глупая сказка. Легенда для пьяных охотников. Но иногда легенды – это всё, что держит нас в живых.

Он провёл рукой по лицу – устало, как делают люди, которые слишком долго не спали.

– Каждый раз, выходя в небо, я ищу глазами золотую вспышку, – продолжил он тише. – Потому что больше всего на свете я боюсь умереть. Боюсь не вернуться. Боюсь оставить команду без капитана. Боюсь, что город останется без охотников. Боюсь умереть никем, ничего не изменив.

Шарль слушал, забыв дышать.

– Но вы... вы самый храбрый из нас, – прошептал Шарль.

– ...даже иногда слегка безрассудный.

– Истинно, – Арно усмехнулся шире. – Потому что только безумец может мечтать поймать её.

Он приподнял повязку Шарля – под ней темнела свежая грозовая метка. Не говоря ни слова, Арно расстегнул рубаху под камзолом.

Плечо и грудь капитана были испещрены шрамами. Переплетёнными, как корни старого дерева. Тонкие, как нити. Толстые, как пальцы. Рваные, будто когти зверя. Ровные, будто удары бича.

Десятки. Может, сотни.

История каждого выхода в небо, записанная на коже.

Шарль уставился. Рот приоткрылся. Глаза расширились.

Боже... Сколько их...

– За одного битого двух небитых дают, – сказал Арно, застёгивая рубаху обратно. Медленно, методично. – Нос по ветру, Шарль.

Ты выжил. Это главное. Остальное – детали.

Парень кивнул. Медленно. Но в глазах появилось что-то живое. Что-то кроме стыда и страха.

Хорошо. Вернётся к себе. Нужно только время.

В этот момент к Арно подошла Рене и тихо сказала:

– Староста хочет с вами поговорить.

Голос её был ровным, деловым. Но Арно слышал нотку беспокойства. Рене не тревожилась просто так.

Готьё не зовёт по пустякам. Значит, проблемы. Опять.

Арно кивнул, поднялся. Колени затекли от сидения на холодной бочке. Он размял их, чувствуя, как кости хрустят. Уже собрался идти, когда краем глаза заметил движение.

Из-за груды ящиков выглядывала девочка.

Лет десяти-одиннадцати. Рыжие волосы торчали во все стороны – непослушные, яркие, как у брата. Лицо в веснушках – россыпью, как звёзды на ночном небе. Худенькая, в потёртом платье на вырост.

Она смотрела не на толпу, не на корабль – только на Шарля.

И в этом взгляде было столько надежды и страха одновременно, что Арно на мгновение замер.

Она боялась, что он не вернётся. Всю ночь не спала. Ждала у окна, считала молнии. И теперь смотрит – живой ли? Целый ли? Вернулся ли?

Потому что он – всё, что у неё есть. Отца нет. Мать работает до изнеможения. Брат – единственная опора. Единственная надежда.

Девочка встретилась с Арно глазами. Испугалась – капитан увидел! – и мгновенно нырнула обратно за ящики, как испуганная мышь.

Арно усмехнулся. Тепло. Впервые за весь день – по-настоящему тепло.

– Сестра? – тихо спросил он у Шарля.

Тот проследил за его взглядом. Лицо его смягчилось – впервые за весь разговор. Улыбнулся слабо, но искренне.

– Ализе, – сказал он с нежностью в голосе, которую не скрывал. – Мелкая заноза. Обещала мне, что если я не вернусь, она сама пойдёт в небо и завалит самую большую громптицу. Чтобы доказать, что она храбрее.

Арно рассмеялся – на этот раз по-настоящему. Звонко.

– Похоже, у вас это семейное.

Он хлопнул парня по плечу – не сильно, дружески.

– Передай ей, что я пока не нанимаю юнг. Слишком мелкая. – Пауза. – Но если она подрастёт и не передумает – пусть приходит. Возьму на испытательный срок.

Шарль кивнул. В глазах мелькнула благодарность. Глубокая, молчаливая.

Спасибо. За то, что не бросили. За то, что поверили. За то, что дали шанс.

Арно пошёл к Готье, оставляя за спиной тихий смех Шарля и рыжую макушку, снова высунувшуюся из-за ящиков.

На этот раз девочка не пряталась. Она смотрела на брата. И в её взгляде читалось что-то твёрдое, почти взрослое.

Эта девочка полетит в небо. Рано или поздно. Чувствую. И когда полетит – я возьму её. Потому что такие, как она, не ломаются.

Арно шёл через площадь, наблюдая за командой.

Огромный канонир Гаспар уже хохотал в компании женщин. Его гулкий бас разносился над причалом, заглушая даже шум далёких молний. Толпа девиц в цветастых платках вились вокруг него, как мотыльки вокруг костра, а он лишь

шире разводил руки, готовый обнять если не всех сразу, то хотя бы пару самых смелых.

Здесь, в Тенебре, он не грозный канонир. Не человек, который управляет пушкой размером с повозку. Просто гуляка. Балагур. Весельчак, которого знают все.

У каждого свой способ сбросить напряжение. Гаспар выбрал смех.

Матросы обнимали свои семьи. Кто-то плакал – тихо, уткнувшись в плечо мужа, не в силах говорить. Кто-то смеялся – облегчённо, истерически, на грани срыва. Кто-то просто стоял молча, прижавшись лбом ко лбу своей женщины, не говоря ни слова.

Слова не нужны. Они вернулись. Этого достаточно.

Чокнутый Месье ля Пинсе уже что-то откручивал на корме корабля, хотя до официального ремонта ещё не дошли руки.

Он не мог просто стоять. Руки требовали работы. Мозг требовал занятости. Иначе приходили мысли и воспоминания. А он не любил бесполезную рефлекссию Пинсе не связанную с научным опытом.

Мадемуазель GIGO тихо гудела, откручивая гайки. Протез работал плавно, почти изящно. Механика в чистом виде. Красота функции.

Для Пинсе работа – это медитация. Способ не думать лишней раз.

Горожане носили на руках тех, кто пережил первый по-

лёт. Старуха в чёрном платке целовала в щёки своего внука, вернувшегося из неба. Парень смущался, краснел, но не отстранялся.

Первый полёт – всегда особенный. Граница между детством и взрослостью. Между страхом и храбростью. Между "я могу" и "я сделал".

И старый Фульгор жестами переговаривался с одним из братьев Дюваль – Люком.

Руки штурмана двигались плавно, рисуя фигуры в воздухе. Язык жестов, которому его научила жена, умершая десять лет назад. Теперь он учил этому способу общаться с миром глухого барабанщика.

Люк не понимал и половины, но кивал с таким серьёзным видом, будто им открывались великие тайны навигации.

Лишь Рене шла чуть в стороне, руководя процессами.

Прямая, собранная, слишком изящная для этой толпы. Среди закопчённых, грубых лиц матросов её светлая кожа и тонкие, чёткие черты лица казались инородным телом. Призраком из другого мира. Мира белого камня, золотых люстр и шелковых платьев.

Но этот призрак руководил погрузкой с холодной эффективностью. В её постоянно оценивающих всё вокруг глазах не было ничего бесплотного. Она считала клетки с птицами, проверяла тросы, отдавала команды грузчикам. Слегка нахмуренные брови не выражали гнева – они были знаком предельной концентрации и расчетов прибыли и убытков одно-

временно.

Но она выбрала нас. Выбрала грязь Тенебра вместо чистоты Версе. Выбрала работу вместо балов. Выбрала правду вместо лжи.

Однажды аристократ – всегда аристократ, – подумал Арно с улыбкой.

Дети играли между опор. Один, самый дерзкий, раскачивался на тросе, крича:

– Я Арно де Тенебр! Гроза Семи Небес!

Арно и Рене переглянулись и улыбнулись одновременно.

Пусть играют. Пусть верят в героев. Им ещё рано знать, как всё на самом деле. Что герои – такие же люди. Боятся, ошибаются, умирают.

Каждый знал своё место. Свой ритуал возвращения. Свой способ вернуться с неба на землю.

Пинсе сидел в трюме, разложив перед собой чертежи и записи. Листы пергамента, исписанные мелким, аккуратным почерком. Схемы, формулы, расчёты.

Мадемуазель GIGO тихо гудела рядом, перебирая шестерёнками – успокаивающий звук, почти мурлыканье. Металл по металлу, ровный ритм, предсказуемость.

Фульгор устроился в таверне у самой дальней стойки. Рядом с ним сидел старый рыбак, тоже глуховатый, и они переговаривались жестами, изредка прерываясь на глоток рома. Иногда Фульгор кивал чему-то в пустоту, и никто не знал – то ли небу, то ли своим мыслям.

Братья Дюваль играли на площади.

Жан-Мишель вёл смычком по струнам – медленно, протяжно. Мелодия была грустной, но красивой. Такой, что хотелось плакать и улыбаться одновременно.

Люк отбивал ритм на походном барабане – мягко, не заглушая скрипку. Руки двигались автоматически, но с чувством.

Пьер выдувал на флейте мелодию, которую никто не узнавал, но которая звучала как сама природа – тоскливо и бесконечно. Как память о том, что потеряно навсегда.

Вокруг них собирались люди. Слушали, не шевелясь. Кто-то плакал – тихо, утирая слёзы рукавом. Кто-то танцевал – медленно, обнявшись с партнёром, глаза закрыты.

Музыка делала то, что не могли слова. Объединяла.

Огюст устроил полевую кухню, испытывая новые рецепты. Он варил похлёбку для тех, кто не успел домой, кормил детей, что заглядывали в окно, и никому не отказывал. Фартик его был заляпан так, что стал похож на абстрактную картину, но усы по-прежнему торчали лихо.

Гаспар пропал с причала. Его громогласный смех то и дело взрывался в темных улицах, отскакивая от стен домов. Кто-то из матросов крикнул ему: «Братан, радуйся потише!» – на что канонир лишь отмахнулся.

Ализе так и не подошла к брату. Она сидела на ящиках неподалёку, болтая ногами в пустоту, и делала вид, что её здесь нет. Но глаза её следили за каждым движением Шар-

ля, и когда он, наконец, поднялся и пошёл к матери, девочка спрыгнула и побежала за ним, не оглядываясь.

Шарль сжал её ладошку. Тоже молча.

Семья. Это то, за что стоит возвращаться.

Старик Готье ждал их в тени теплиц.

Арно вошёл внутрь – воздух здесь был тёплым, влажным, пропитанным запахом земли и зелени. Непривычно. Почти шокирующе. В Тенебре всё пахло металлом, дымом, озоном. А здесь – жизнью.

Готье стоял у грядок с помидорами. Осматривал листья, удалял засохшие, проверял плоды. Руки двигались уверенно – руки, которые когда-то держали штурвал самого быстрого корабля Перевала, теперь выращивали овощи.

Бывший капитан Téméraire. Теперь – хранитель города. Садовник.

Но не стал ли он от этого слабее. Наоборот, его мудрость и опыт стали опорой.

Готье обернулся. Лицо его было морщинистым, выветренным годами в небе. Глубокие складки вокруг глаз и рта. Серая борода, подстриженная коротко и аккуратно. Глаза – выцветшие, цвета старого льна, но острые.

– У нас проблемы, – сказал он без приветствий, без прелюдий. Готье не тратил слова попусту.

Арно сжал кулаки, но лицо оставил спокойным.

Опять. Всегда что-то.

– Энергии не хватает. Дюге Труэн поднял налог.

Имя Дюге прозвучало, как плевок.

Рене побледнела.

– Merde... – вырвалось у неё.

– Если так пойдёт дальше, мы не сможем выплатить долю Порту Версе, – продолжил Готье, возвращаясь к томатам, как будто говорил о погоде. – И не прокормим людей. Теплицы начнут отключаться. Реакторы гаснуть. Город умрёт. Медленно, в темноте.

Тишина.

Арно слышал только капанье воды где-то в углу теплицы. Ровное, методичное. Капля за каплей.

Как время. Которого у нас мало.

– Значит, – Арно усмехнулся, – нам остаётся только одно. Заработать больше.

Готье смотрел на него долго. Не с сожалением. С чем-то другим, что Арно не сразу смог прочесть в этих старых, выцветших глазах.

Понимание? Гордость? Печаль?

Потом старик усмехнулся – сухо, как шелест пергамента.

– Я водил Тéméгайге в небо, когда ты ещё под стол пешком ходил, – сказал он негромко, но отчётливо. Каждое слово взвешено. – Однажды нас перехватили Дозорные. Дюге вёл их.

Арно слушал. Знал эту историю. Но не перебивал.

– По бумагам всё было законно, по сути – грабёж. Хотели отобрать и корабль, и груз, и жизни заодно.

Он сделал паузу, глядя куда-то мимо Арно, в прошлое. Видел не теплицу, не молодого капитана – а себя, несколькими годами раньше, стоящего на палубе под дулами станганов.

– А ты тогда заступился. Молодой, глупый, только что в Дозоре – а заступился.

Арно усмехнулся, вспомнив тот день. Жаркий спор на палубе дозорного корабля. Готье, спокойный, но готовый драться до конца. И он – молодой лейтенант, который не мог молчать.

– Не мог иначе, – сказал он просто. – Вы научили меня любить небо. Вы устроили меня в Дозор. Дали шанс, когда я был никем. Я не мог предать родной дом и вас.

– И это закончилось тем, что тебя изгнали, – напомнил Готье.

– Зато я стал капитаном, – Арно пожал плечами.

Готье тихо усмехнулся. Усмешка вышла сухой, как старый пергамент, но в ней слышалось что-то тёплое. Отцовское.

– Ладно, – сказал он, возвращаясь в настоящее. – Ты всегда умел выбирать дорогу, с которой не свернуть.

Он помолчал, и теперь в его взгляде действительно появилось сожаление – то самое, с которым смотрят на тех, кто несёт слишком тяжёлую ношу. Ношу, которую не сбросишь, не переложить на других.

– Пусть команда отдыхает, – сказал Арно, принимая этот взгляд, принимая эту ношу. – Завтра мы снова в небо. Рене,

проследи, чтобы Пинсе не разобрал мою Тéméгайре до винтика и она была готова к прогулке.

Прогулке. Как будто мы собираемся в парк, а не в Перевал. Не туда, где молнии убивают за секунды.

Но если называть вещи своими именами, страх парализует.

Рене кивнула. Коротко, по-военному.

– Слушаюсь.

Арно вышел из теплиц и остановился на краю площади.

Под его ногами тянулся город. Его город. Тысячи людей, которые зависят от него. Которые ждут, надеются, верят.

Тяжело. Иногда невыносимо.

Каждый день – ответственность. Каждое решение – чья-то жизнь или смерть.

Но я выбрал это сам. И не имею права жаловаться.

Они выбрали честную жизнь. Оставили прошлое, где были на другой стороне закона.

Это произошло на третьей неделе после того, как Арно стал капитаном.

Он только что был изгнан из Дозора. Бывшие сослуживцы плевали вслед, называли предателем, трусом, изменником. А здесь, на Тéméгайре, его встретили настороженно.

Для ветеранов, служивших ещё при Готье, он был чужаком – «птенчиком из небесных городов», который носил форму тех, кто драл с них налоги. Они смотрели на него с недоверием, ждали, что он сломается, сбежит, предаст.

Я чувствовал их взгляды. Холодные. Проверяющие. Каждый день – экзамен.

Téméraire стояла в доках. Ремонт затягивался – старые катушки требовали замены, трещины в корпусе расползались, паруса истрепались до дыр. А денег в казне не было. Совсем. Ноль.

Команда сидела без работы, без жалованья, без перспектив.

И люди начали роптать.

Арно знал об этом. Слышал шёпот в углах, видел недовольные взгляды, замечал, как разговоры смолкают, когда он подходит. Но надеялся, что пройдёт само.

Глупость. Голод не проходит сам.

Не прошло.

Бунт начался утром.

Арно был в каюте капитана Готье – теперь своей, но ещё чужой – когда услышал крики на палубе. Громкие, злые, требовательные.

Выбежал, не застегнув камзол.

На палубе стояла толпа. Двадцать человек. Может, больше. Ветераны, те, кто служил ещё при Готье. Barbus с их шрамами и седыми бородами. Несколько Hirondelles, молодых, но уже злых.

Все с оружием. Станганы, ножи, гаечные ключи.

Впереди стоял старшина Морель.

Грубый детина ростом почти с Гаспара. Лицо, избитое

молниями – шрамы пересекали щеки, лоб, подбородок. Глаза маленькие, злые, налитые кровью. Руки – как лопаты, покрытые мозолями и ожогами.

Он держал в руках станган. Не угрожающе – демонстративно. Показывал: я готов.

– Капитан, – сказал он. Голос был грубым, как наждак. – Нам нужно поговорить.

Арно спустился по трапу. Медленно. Одна ступенька, другая. Руки на виду, без оружия. Показать, что не боится.

Хотя боялся. Конечно, боялся. Двадцать против одного.

– Слушаю, – сказал он спокойно.

Морель сплюнул за борт. Презрительно. Слюна упала в пустоту, исчезла в тучах.

– Три недели мы тут торчим. Без работы. Без денег. Корабль разваливается, а ты всё обещаешь «скоро, скоро». – Он шагнул ближе. Навис. – Мы тебя не звали, ты сам пришёл. Из Дозора выгнали, вот и прибился. Но нам такие капитаны не нужны, которые только языком молоть умеют.

Толпа зашумела. Поддержали. Кто-то выкрикнул:

– Долой мальчишку!

Другой:

– Морель! Морель!

Арно оглядел их. Считал быстро.

Против него – двадцать человек. Может, двадцать пять. За него... Фульгор стоял на мостике – старый штурман был за Арно, хоть и глухой, но верный, который знал Арно с дет-

ства. Гаспар вышел из трюма, держа гаечный ключ размером с руку. Ещё пара матросов, тех, что успели узнать капитана поближе.

Меньшинство. Явное меньшинство.

– Ремонт почти закончен, – ответил Арно ровно. – Ещё пара дней...

– Пара дней! – рявкнул Морель, перебивая. – Ты это уже неделю говоришь! А люди жрать хотят! Мы не для того из Тенебра вылезали, чтобы с голоду пухнуть!

Толпа загудела громче. Кто-то стукнул кулаком по борту. Металл загудел, как колокол.

Арно посмотрел на них. На каждого. Запоминая лица.

Они не враги. Они просто голодны. Отчаянны. Боятся за семьи.

Но если я отступлю сейчас – потеряю их навсегда.

– Что вы предлагаете? – спросил он спокойно.

Морель усмехнулся. Хищно. Торжествующе.

– Тебя – долой. Нам нужен настоящий капитан. Тот, кто умеет зарабатывать. А не мальчик из Дозора, который только и знает, что приказы выполнять.

– И кто это будет? Ты?

– Я.

Морель шагнул вперёд. Выпрямился. Расправил плечи.

– У меня двадцать лет стажа. Я летал, когда ты ещё под стол пешком ходил. Я знаю Перевал, знаю птиц, знаю команду.

Арно кивнул. Без эмоций.

– Знаешь. Но не умеешь вести.

– Что?!

– Если бы умел – Готье сделал бы тебя капитаном. Но он выбрал меня.

Морель покраснел. Вены на шее вздулись. Кулаки сжались.

– Готье! Готье сбежал! Сдался! Старый трус побоялся небо!

Арно сделал шаг вперёд. Один. Только один.

Но голос его стал холоднее. Тише. Опаснее.

– Следи за языком, старшина.

– Или что? – Морель поднял станган. Навёл на грудь Арно. Палец на спуске. – Ты меня накажешь? Ты? Салага, которому корабль достался просто так?

Толпа загудела громче. Стали напирать, сокращать дистанцию.

Секунды. У меня секунды.

Арно не двигался. Смотрел Морелю в глаза. Прямо. Не моргая.

– Готье передал мне Тéméraire, потому что знал: я не брошу её. Не сдамся. Не сбегу. Даже если это будет стоить мне жизни, – он говорил тихо, но каждый слышал. Площадь замолчала. – И я не собираюсь грабить караваны и прятаться по островам. Мы будем охотиться. Честно. Чтобы Тенебр мог жить, а не выживать.

– Красивые слова, – фыркнул Морель. – Но слова не кормят.

– Нет, – согласился Арно. – Не кормят. Кормит работа. И через два дня мы выходим в рейс. С новыми катушками, новыми сетями. И вы получите свою долю.

– Обещания! – крикнул кто-то из толпы.

Арно повернулся к голосу. Нашёл глазами кричавшего.

– Не обещания.

Он расстегнул камзол. Достал из-за пазухи туго набитый кошель. Тяжёлый. Звякающий.

– Деньги уже здесь. – Он бросил кошель на бочку. Монеты звякнули. Золото и серебро. – Всё, что я заработал за годы в Дозоре. Каждая монета. И ещё кредит, который я взял на своё имя. – Пауза. – Этого хватит на ремонт и на ваше жалование за несколько рейсов вперёд.

Тишина.

Абсолютная. Мёртвая.

Морель вытаращил глаза. Рот приоткрылся.

Толпа замерла.

– Ты... ты взял кредит? На себя? – переспросил кто-то, не веря.

– Да. Потому что верю в этот корабль. И в вас. – Арно обвёл взглядом всех. Каждого. – Если я ошибся – останусь должен до конца жизни. Ростовщики не прощают долгов. Но если мы сработаем, как команда, – отдадим всё за три рейса. Максимум четыре.

Никто не говорил. Только ветер шумел в снастях. Тихо. Жалобно.

Морель смотрел на кошель. Потом на Арно. Потом снова на кошель.

– Ты... ты правда это сделал?

– Правда.

– Зачем?

Арно улыбнулся. Грустно.

– Потому что Готье поверил в меня. И я не имею права его подвести.

Пауза. Долгая.

Морель медленно опустил станган. Очень медленно. Руки дрожали – не от страха, от чего-то другого.

– Зачем? – повторил он хрипло.

– Потому что Готье поверил в меня. И я не имею права его подвести. – Арно сделал шаг ближе. – Потому что Тенебр – мой дом. И я не дам ему умереть.

Морель покачал головой. Медленно. Будто пытался что-то понять, осмыслить.

– С ума сойти... – пробормотал он.

– Так что, старшина? Ты со мной или против?

Морель посмотрел на своих людей. На Арно. На кошель.

Вздыхнул. Тяжело. Как вздыхают, когда принимают важное решение.

– С тобой, капитан, – сказал он хрипло. – Прости... погорячились.

Арно кивнул.

– Бывает. Забудем.

Толпа начала расходиться. Медленно, неохотно. Кто-то хлопал Арно по плечу – неловко, смущённо. Кто-то просто кивал. Кто-то отводил глаза.

Когда все ушли, Гаспар подошёл к Арно.

Посмотрел на него долго. Качая головой.

– Ты идиот, – сказал он прямо. – Взял кредит на своё имя.

А если ты прогоришь?

– Не прогорю.

– Откуда такая уверенность?

Арно усмехнулся. Устало.

– Потому что теперь они будут драться за этот корабль как за свой. Я купил не ремонт, Гаспар. Я купил время и шанс заслужить доверие.

Гаспар смотрел на него долго. Потом покачал головой. Медленно. Но в глазах его мелькнуло уважение. Глубокое.

– Безумец.

– Знаю.

Арно вернулся в настоящее.

Морель умер через неделю после того дня. Нарвался на Шаровую молнию в Перевале. Сгорел за секунды. Не осталось даже тела.

Но перед смертью успел сказать: "Ты был прав, капитан. Спасибо, что поверил."

Эти слова я помню до сих пор.

Та ситуация многому научила Арно. Главное – он понял: команду нельзя купить деньгами. Её можно купить только честностью. Доверием. Готовностью рискнуть всем.

И он был честен. До конца. Всегда.

Он посмотрел на небо – чёрное, плотное, вечное.

Где-то там, за тучами, ждала Золотая молния. Легенда. Сказка. Мечта. Где-то там ждала его судьба. Или смерть.

Он посмотрел на город, утопающий в полумраке.

Свет стоил дорого. Люди сэкономили на всём – на еде, на тепле, на одежде. На каждой секунде включенной лампочки.

Но не на надежде.

Они верят, что завтра будет лучше. Что мы принесём больше жемчуга. Что город выживет ещё один день, ещё неделю, ещё месяц.

И моя работа – не обмануть эту веру.

Он знал, за что платит. За право жить. За право дышать. За право надеяться.

Завтра снова в небо. Снова в охоту. Снова на грань.

Но сегодня – дом. Пусть и на одну ночь.

Глава 3. Дом, милый дом

Шарль отходил от площади Le Cœur des Ténèbres медленно, будто каждый шаг стоил ему усилия.

Ноги ныли – не от усталости, от напряжения, что держало его в небе всю охоту. Мышцы на бёдрах тянуло, икры горели, будто он не спускался с корабля, а бежал марафон по раскалённым углям. Тело помнило каждый рывок, каждое падение, каждую секунду, когда он цеплялся за сеть, за такелаж, за саму жизнь.

Я жив. Я вернулся. Я справился.

Но почему внутри всё ещё трясётся?

Сзади ещё доносились крики, смех, женские визги – там Гаспар уже всю гулял, успев обзавестись компанией, которой хватило бы на целый кабак. Его гулкий бас перекрывал даже шум далёких молний, звучал как гром, но добрый, тёплый, живой.

Шарль не оборачивался.

Не могу. Если обернусь – увижу корабль. Увижу Téméraire. И снова захочу туда. Или снова испугаюсь. Не знаю, что хуже.

Чем дальше он уходил от центра, тем тише становилось. Тем ниже дома. Тем реже свет.

Площадь Le Cœur des Ténèbres светилась десятками фонарей – роскошь для Тенебра, но необходимость. Это было

сердце города, место встреч, торговли, надежды. Здесь свет был обязателен.

Но стоило свернуть в боковую улочку – и темнота сгущалась, как туман.

Один фонарь на двадцать метров. Тусклые лампочки, мигающие от нестабильного напряжения. Жёлтый, болезненный свет, который скорее подчёркивал тьму, чем разгонял её.

Узкие улочки Тенебра встречали его привычными запахами.

Прелая солома – где-то кто-то стелил новую подстилку в курятники. Старая рыба – рыбаки вернулись с подземного озера, где разводили слепых угрей, одних из немногих существ, способных жить в вечной темноте. Угольная гарь от печек – дешёвый уголь, который жгли все, кто не мог позволить себе электричество. Он пах едко, химически, щипал в носу и оседал на лёгких чёрной пылью.

Дом пахнет вот так. Тенебр пахнет вот так. Небо пахнет свободой. Разные миры. Разные жизни.

Между стенами домов, почти касаясь друг друга, были перетянуты верёвки с мокрым бельём.

Рубахи, штаны, юбки – всё серое, потёртое, латаное. Бельё развешивали на улицах, потому что дворов не было – каждый квадратный метр платформы был застроен до предела. Места не хватало. Никогда не хватало.

Шарлю пришлось пригнуться, чтобы не задеть чью-то рва-

ную рубаху.

Женщины Тенебра стирали бельё в ледяной воде из цистерн, где скапливалась дождевая вода. Руки у них были красными, обветренными, в трещинах. Но бельё – чистым.

Гордость. Даже в нищете – гордость. Мы бедны, но не грязны. Мы сломаны, но не сдались.

Над каждой крышей торчали молниеотводы.

Чёрные, тонкие, как пальцы мертвецов, они тянулись в небо – десятки, сотни. Шарль знал их с детства. Это были стражи города. Безмолвные, неподвижные, но верные.

Если молния ударит в дом – он сгорит за секунды. Дерево, ткань, солома – всё превратится в пепел быстрее, чем успеешь крикнуть.

Но молниеотводы принимали удар на себя. Плавились, чернели, иногда взрывались – но дома стояли.

Если свет погаснет – они последнее, что защитит город от птиц. Последняя линия обороны.

Прохожие провожали его взглядами.

Молодые – с завистью. В их глазах читалось: Он был в небе. Он видел молнии. Он охотился. А я стою здесь, в грязи, таскаю мешки, драю полы. Когда моя очередь?

Старые – с уважением. Они помнили, как сами были молодыми. Как поднимались в небо впервые. Как боялись. Как выживали. Или не выживали.

В их взглядах читалось: Ты вернулся. Молодец. Держись. Возможно, ты переживёшь этот год. Или следующий. Или

умрёшь послезавтра. Но сегодня ты жив. И это важно.

Форма Casse-Cous говорила сама за себя.

Короткая куртка из кожи, обшитая металлическими заклёпками по швам. Широкий пояс с крюками для тросов. Толстые перчатки на поясе – кожа обожжена, местами прогорела насквозь. Сапоги до колена – подошвы резиновые, чтобы не проводить электричество.

Этот парень был в небе. Этот парень вернулся.

Некоторые кивали. Шарль кивал в ответ, но не останавливался.

Не могу остановиться. Не могу разговаривать. Сейчас начну – и всё вывалится. Страх, паника, стыд. Лучше молчать. Молчать и идти.

Внутри всё ещё тряслось.

Руки подрагивали – незаметно для других, но он чувствовал. Пальцы сжимались и разжимались сами собой, будто искали трос, за который можно ухватиться.

Он сжал кулак так, что ногти впились в ладонь.

Боль отрезвляла. Острая, яркая, реальная. Не призрак, не воспоминание – боль сейчас, здесь.

Я жив. Я справился. Я вернулся.

Мысль повторялась как молитва, но страх никуда не уходил. Он сидел под рёбрами, тяжёлый и липкий, как старая рана, которая никак не заживёт.

Вспышка. Грохот. Молния, прошедшая в волосах от виска. Запах горелых волос – сладковатый, отвратительный.

Жар, обжигающий кожу. Капитан, врезавшийся в него плечом, вырывающий из смерти.

Ещё на секунду позже – и меня бы не было. Просто не было бы. Пепел, развеянный ветром.

Шарль выдохнул – долго, медленно, как учил капитан – и пошёл дальше.

Камни под ногами были неровными. Булыжники, выложенные без раствора, просто утопанные за годы. Кое-где они просели, образуя лужи. Шарль обходил их автоматически – ноги помнили каждую выбоину.

Этими улицами я бегал ребёнком. Знаю каждый камень. Каждую трещину. Каждый поворот.

Но сейчас они кажутся чужими. Будто я их вижу впервые. Будто я стал кем-то другим.

Дым стелился по улицам низко, цепляясь за стены домов. Печной, угольный, густой. Шарль вдыхал его, кашлянул. Лёгкие горели – не от дыма, от озона, который всё ещё сидел в них после полёта.

В небе воздух чистый. Холодный, обжигающий, но чистый. Здесь – грязный. Тяжёлый. Мёртвый.

Но это мой дом. И пахнет он вот так.

Дом, где он вырос, стоял в конце тупика.

Три стены из серого камня, четвёртая – скала, в которую дом врос, как гриб. Строили так специально: скала – это защита. Молния не бьёт в камень так часто, как в дерево. И если дом прижат к скале – одна стена уже защищена.

Крыша плоская, покрытая листами ржавого железа. На ней сушились тряпки и стоял самодельный молниеотвод – тоньше и кривее, чем у соседей, но работал.

Шарль сделал его сам. В двенадцать лет. Из обрезков трубы и проволоки, которые нашёл на свалке. Мать сказала тогда: «Если не сделаешь – сгорим. Если сделаешь плохо – сгорим. Выбирай».

Он сделал хорошо.

Молниеотвод простоял семь лет. Ни разу не подвёл.

Я умел делать вещи руками. До того, как пошёл в небо. Умел чинить, строить, мастерить. Теперь умею только хвататься за сети и не умирать.

Прогресс.

Мать ждала на пороге.

Шарль увидел её силуэт издали – тёмная фигура на фоне тусклого света, пробивающегося из окна. Неподвижная. Как статуя. Как часовой.

Она всегда так стоит, когда я возвращаюсь. Не выходит встречать – ждёт на пороге. Не кричит, не машет. Просто стоит.

Бойтся, что если выйдет – я не вернусь. Суеверие. Но она верит.

Она не бросилась обнимать. Никогда не бросалась.

Женщина лет сорока, с руками, которые знали работу лучше, чем ласку. Ладони огрубевшие, в мозолях, пальцы искривлены от постоянной стирки в холодной воде. Ногти об-

ломаны под корень.

Лицо усталое – глубокие морщины вокруг глаз и рта, кожа серая от недостатка солнца. Волосы когда-то были рыжими, как у детей, но выцвели, поседели, теперь похожи на старую солому.

Но глаза острые, как у птицы, высматривающей добычу.

Она смотрела на сына долго, не мигая.

Считала. Проверяла. Руки целы? Ноги целы? Голова на месте? Дышит ровно или хрипит? Стоит прямо или заваливается набок?

Она врач. Не училась, но знает. За двадцать лет, пока отправляла мужа в небо, а потом сына – научилась читать раны по походке. Смерть по дыханию.

– Цел? – спросила сухо.

Голос её был грубым, выветренным годами крика против ветра. Но Шарль слышал в нём то, что другие не слышали: облегчение. Страх, отступающий. Любовь, которая не умеет выражаться словами.

Шарль кивнул. Подошёл ближе.

Ноги несли его автоматически – два шага вперёд, остановка на привычном расстоянии. Достаточно близко, чтобы она дотянулась. Достаточно далеко, чтобы не мешать осмотру.

Мать шагнула вперёд и положила ладони ему на грудь.

Ладони были холодными. Жёсткими. Но движения – нежными.

Она нажала. Провела по рёбрам – слева, справа, прове-

ряя, нет ли вздутий, переломов, внутренних гематом. Потом по плечам – сдавила, проверила суставы. Потом по спине – ощупала позвоночник позвонок за позвонком.

Шарль терпел. Стоял неподвижно, не дышал. Это был ритуал. Семейный. Каждый раз, когда он возвращался из неба.

Она ищет боль. Ищет смерть. Ищет то, что я скрываю.

Она искала боль. Не нашла.

– Цел, – повторила она. Уже тише. Уже теплее.

Руки её дрогнули – на мгновение, почти незаметно – и опустились.

Она боялась. Всё это время боялась. Что я не вернусь. Что вернусь, но мёртвым. Что вернусь, но сломанным.

Она не скажет этого никогда. Но я знаю.

Шарль развязал пояс и протянул ей мешочек с монетами.

Ещё на корабле старпом Рене оценила добычу и рассчитала каждого по соответствующей доле. В мешочке звенело тяжело. Золото и серебро. Больше, чем обычно.

Мать взяла, взвесила на ладони.

Глаза чуть расширились – не от жадности, от удивления.

– Капитан добавил сверху, – сказал Шарль. – За Синюю.

Капитан всегда добавляет тем, кто рисковал. Справедливость. Не по рангу – по заслугам.

Мать ничего не спросила.

Она никогда не спрашивала про деньги. Откуда, сколько, за что. Брала и уходила. Прячала. Считала. Планировала.

Она спрячала мешочек за пазуху, в тайник, о котором зна-

ли только они. Кармашек, зашитый с изнанки юбки, между двумя слоями ткани. Даже грабители не найдут.

В Тенебре редко, но грабят. Отчаявшиеся, голодные. Ломятся в дома, выворачивают матрасы, вырывают доски. Мы храним деньги там, где не найдут.

Потом подняла глаза и посмотрела на его лицо. На повязку, закрывающую половину.

Взгляд стал жёстче. Острее.

– Сними, – сказала она.

Не просьба. Приказ.

Шарль медленно отмотал бинт.

Ткань прилипла к коже – засохшая кровь и мазь, которой Пинсе обработал ожог на корабле. Он тянул осторожно, чувствуя, как кожа тянется следом, болит, но не разрывается.

Под бинтом темнела грозовая метка.

Свежий, ещё розовый по краям ожог, ветвистый, как трещина на стекле. Он начинался у виска, спускался по щеке, раздваивался у скулы. Похож на дерево. Или на реку. Карт, написанная молнией на коже.

Мать коснулась его пальцами.

Пальцы чуть дрогнули – не от отвращения, от чего-то другого.

Она видела такие шрамы раньше. На муже. На соседях. На тех, кто вернулся. И на тех, кто умер.

– Шрам останется навсегда, – сказала она тихо.

Голос её был ровным. Констатация факта. Не жалость, не

сожаление – просто правда.

– Зато живой, – ответил Шарль.

Мать смотрела на него долго. Очень долго.

В её глазах было столько всего, что Шарль не мог прочитать. Гордость? Страх? Облегчение? Печаль?

Может, всё сразу.

Потом она кивнула – коротко, резко, как отрубилась – и шагнула в дом.

– Заходи. Есть будешь?

Разговор окончен. Хватит эмоций. Дело.

Из-за его спины вынырнула Ализе.

Бесшумно, как кошка. Она умела так ходить – тихо, незаметно. Научилась, подслушивая взрослых, выпрашивая истории у матросов на причале.

Рыжие волосы торчали в разные стороны, веснушки на лице казались ещё ярче, чем днём на площади.

Она пыталась держаться сдержанно – при матери не забалуешь, – но глаза её горели так, что, казалось, освещали весь тёмный коридор.

– Эй, Шарль, – обратилась она.

Голос старалась сделать равнодушным. Взрослым. Но не получалось.

И тут же, не выдержав, дёрнула его за рукав:

– Ты правда Синюю поймал?

Пальцы вцепились в ткань куртки, горячие, дрожащие от возбуждения.

– Правда, – усмехнулся Шарль.

Глаза Ализе стали размером с те монеты, что только что уплыли за пазуху матери.

– И как?! Расскажи! Она правда синяя? Правда быстрая? Правда кусается? Ты её сетью ловил или руками?!

Вопросы сыпались, как горох из порванного мешка.

Шарль рассмеялся – впервые за весь день. По-настоящему. Не из вежливости, не чтобы скрыть страх – просто от души.

– Потом расскажу, – сказал он. – За едой.

Ализе надулась, но отпустила рукав.

За едой мать молчала.

Это было её правило: сначала дело, потом разговоры. Поел – работай. Поработал – поешь. Заслужил отдых – отдыхай. Не заслужил – работай дальше.

Никаких разговоров за столом. Еда – священна. Её нельзя тратить на болтовню.

Шарль ел похлёбку – жидкую, но горячую.

В ней плавали кусочки мяса птицы – серые, жёсткие, но съедобные. Это была плоть гром-птицы, пойманной неделю назад. Мать вымочила её в уксусе, отварила с травами – получилось сносно.

Морковь, картофель – тепличные, мелкие, невкусные. Лук репчатый – острый, ядрёный, от него слезились глаза.

Но горячая. Домашняя. Самая лучшая в мире.

Шарль чувствовал, как тепло разливается по телу.

Желудок, пустой после полёта, сжимался, принимал еду жадно, благодарно. Руки согревались над миской. Пар поднимался к лицу, влажный, пахнущий домом.

Я дома. Я жив. Я в безопасности.

Хотя бы на одну ночь.

Ализе сидела напротив и не сводила с него глаз.

Она даже ложку в рот несла, не глядя, промахивалась, проливала на стол. Похлёбка текла по подбородку, капала на платье. Она не замечала.

Смотрела на брата, как на героя. Как на того, кем хочет стать.

Она не знает. Не понимает. Думает, это слава. Приключения. Деньги.

Не знает, что это страх. Боль. Смерть, которая ходит рядом каждую секунду.

И хорошо, что не знает. Пусть останется ребёнком ещё немного.

Мать закончила есть первой.

Вытерла руки о фартук – грубый, серый, латаный. Посмотрела на детей. Подождала, пока Шарль доест.

– Сходите к дяде Эмилю, – сказала она. – Возьмите муки. Мешок, не меньше. И к сапожнику – твои сапоги, Шарль, снова прохудились. Небось, в небе их не бережёшь.

Голос ровный, деловой. Список задач. Никаких эмоций.

– Они не для береженья, мам, – ответил Шарль.

Мать вздохнула. Тяжело. Как вздыхают, когда понимают,

что спорить бесполезно.

– Идите, – махнула рукой. – Эмилю скажите – отдам через неделю. Он знает.

Ализе уже подскочила, вцепившись в рукав брата так, будто боялась, что он растворится в воздухе.

– Идём, идём! – тараторила она. – Мне Эмиль обещал конфету показать! Настоящую! Из Версе!

– Идите, – повторила мать.

Она смотрела им вслед – долго, пока они не скрылись за дверью.

Потом вздохнула снова. Сгорбилась. Опустилась на стул.

Лицо её, строгое при детях, вдруг осунулось. Постарело на десять лет за секунду. Она достала мешочек из-за пазухи. Высыпала монеты на стол. Считала медленно, шевеля губами.

Хватит на месяц. Может, на полтора. Если экономить.

Улицы Тенебра Ализе знала лучше, чем свою ладонь.

Она тащила брата через проходы между домами, где взрослому пришлось бы протискиваться боком, а она про- скальзывала легко, как ящерица.

Короткие ноги стучали по булыжникам – быстро, уверенно. Рыжие волосы развевались, цеплялись за верёвки с бельём. Она не замечала.

– Смотри, – говорила она, показывая на булочную. – Очередь длиннее, чем в прошлый раз.

Шарль остановился. Посмотрел.

У продуктового прилавка стояла очередь – человек двадцать, может, тридцать. Молчаливая, унылая. Люди кутались в рваные тряпки, топтались на месте, пытаясь согреться.

– Мама говорит, цены на муку подняли, – продолжала Ализе. – Теперь лепёшки только по праздникам.

Раньше каждый день. Теперь – по праздникам. Скоро будет – никогда.

Люди в очереди стояли хмурые. Никто не смеялся. Никто не разговаривал.

Шарль видел их лица. Усталые. Голодные. Злые.

Они работают с рассвета до заката. Дряют полы, таскают мешки, чинят крыши. Но еды всё меньше. Света всё меньше. Надежды всё меньше.

Сколько они ещё выдержат?

– А свечи? – спросил он тихо.

– Ещё хуже, – Ализе понизила голос, будто боялась, что кто-то услышит. – Теперь жжём одну на комнату. Вечером сидим все вместе, чтобы света хватало. Мама говорит, так экономнее, чем тратить электроэнергию.

Они прошли мимо рынка.

Торговки сидели за прилавками – старые женщины в чёрных платках, с лицами, похожими на печёные яблоки. Морщинистые, коричневые, высохшие.

Товара было мало. Несколько луковиц. Вяленая рыба. Мешок картофеля – мелкого, зелёного, с глазками.

Торговки, завидев форму Шарля, замолкали. Провожали взглядами. Потом начинали шептаться.

Ализе наострила уши. У неё слух был острый, как у кошки.

– ...опять налог подняли... Дюге Труэн... Версе сосёт из нас последнее...

Она не всё понимала, но запоминала. На всякий случай. Может, пригодится. Когда вырасту. Когда пойду в небо. Когда они отошли подальше, Ализе спросила:

– Шарль, а почему они так говорят? Про Версе?

Голос тихий, серьёзный. Не детское любопытство – взрослый вопрос.

Шарль вздохнул. Остановился. Присел на корточки, чтобы быть на уровне глаз сестры.

Объяснять ей политику – тяжело. Но если не объяснит он, объяснит кто-нибудь другой. И неизвестно ещё, как.

– Мы охотимся, – начал он медленно, подбирая слова. – Привозим жемчуг. Версе – город наверху. Они дают нам свет, защиту, право летать. А мы платим им жемчугом. Большая часть уходит им. То, что остаётся – нам. – Пауза. – А теперь они хотят забирать ещё больше.

Ализе нахмурилась. Думала.

– А если не платить?

Вопрос простой. Детский. Но страшный.

Шарль усмехнулся горько.

– Тогда они перестанут давать защиту и запретят торгов-

лю с нами. Энергия исчезнет. Теплицы погаснут. Еда кончится. Люди умрут с голоду. – Он провёл рукой по волосам сестры. – Версе держит нас за горло, Ализе. И мы ничего не можем сделать.

Ализе замолчала.

Она смотрела на брата – долго, серьёзно. Потом кивнула. Один раз. Медленно.

Запомнила. Поняла. Не простила.

У дяди Эмиля было шумно.

Дверь лавки скрипнула – петли ржавые, давно не смазанные. Запах ударил в нос мгновенно: специи, мука, сушёная рыба, что-то сладкое.

Лавка пропахла специями так, что у Шарля защипало в носу.

Корица, перец, кардамон – редкость для Тенебра. Эмиль торговал с гостями города и поставщиками из Версе, покупал остатки, перепродавал втридорога. Но люди брали. Потому что жизнь без специй – не жизнь. Это выживание.

Сам Эмиль – толстый, лысый, с хитрыми глазами – сидел за прилавком, перебирая зёрна кофе.

Увидев форму Casse-Cous, он расплылся в улыбке. Широкое лицо раздалось, как тесто. Глаза исчезли за щеками.

– О, герой вернулся! – затараторил он, вскакивая. – Как охота? Как добыча? Много ли синих взяли?

Голос его был громким, назойливым, как у базарной торговли. Руки шевелились, жестикулировали, хватали воздух.

Шарль открыл рот, чтобы ответить—

Дверь лавки скрипнула второй раз.

На пороге появился Арно.

Эмиль аж подпрыгнул на месте. Складки на животе заколыхались, как желе.

Лицо его расплылось в такой улыбке, что глаза совсем исчезли за щеками.

– Капитан! – всплеснул он руками. – Какая честь! Чем обязан? Свежие лепёшки? Специи? У меня есть корица, только вчера привезли, лучшая в Тенебре!

Тараторил, как заведённый. Руки трясли, показывали, хватали товар с полок.

Арно усмехнулся, снял шляпу и отряхнул её о колено.

Капля воды упала на пол – где-то наверху прохудилась крыша, капало с потолка.

– Не специи, Эмиль. Долг.

Он подошёл к Шарлю и хлопнул его по плечу так, что парень чуть не выронил мешок с мукой.

Рука тяжёлая, но дружеская. Шарль почувствовал тепло, разливающееся от прикосновения.

– Помнишь, я обещал? – Капитан наклонился ближе, понизив голос до шёпота, чтобы слышал только Шарль. – Кто загонит Синюю – того угощаю в Тенебре и знакомлю с дочкой пекаря.

О господи.

Шарль почувствовал, как кровь прилила к лицу.

Жар поднялся от шеи к щекам, к ушам. Уши горели, как будто их подожгли. Сердце застучало быстрее – не от страха, от чего-то другого. От паники. От смущения. От чего-то ещё, что он не мог назвать.

Он открыл рот, но ничего не сказал. Только замер, как статуя.

Капитан серьёзно? Прямо сейчас? Прямо здесь?!

Эмиль сначала опешил, потом захохотал – громко, от живота, хлопая себя по лысине.

– Ах ты ж! – закричал он. – Так это Шарль?! Молодой, а уже Синюю?

Он схватился за прилавок, сотрясаясь от смеха. Живот трясся, лысина блестела от пота.

Арно улыбнулся краем рта и слегка поклонился – с той особенной насмешливой вежливостью, которая появлялась у него, когда он знал, что дело сделано.

– Ну раз вы так рады, месье Эмиль, – сказал он негромко, но с расстановкой, – может, позовёте дочь? Посмотрим, понравится ли ей наш удалой охотник.

Эмиль аж подпрыгнул на месте, будто только что вспомнил о самом главном.

– Да я такого зятя за обеими руками! Катрин! Катрин, иди сюда, быстро!

Голос его был громким, пробивал стены. Шарль услышал, как в задней комнате что-то упало, загремело.

Из-за двери вышла девушка.

И мир остановился.

Блондинка. Волосы светлые, как солома, только мягче. Заплетены в косу, перекинутую через плечо. Несколько прядей выбились, обрамляли лицо.

Глаза голубые, чистые, как небо, которого Шарль никогда не видел, но представлял. Смотрели настороженно, но с любопытством.

Лицо простое, но милое. Нос маленький, курносый. Щёки чуть припухшие – от жара печи, где пекут хлеб. Губы розовые, поджатые – смущается.

Одега просто – длинное платье с заплатками на локтях, фартук, перепачканный мукой. Руки в муке по локоть. На фартуке – пятна от теста, от варенья, от сажи.

Но даже мука не могла скрыть, что она красивая.

Боже. Она... она...

Шарль сглотнул. Горло пересохло мгновенно.

– Это Шарль, – представил Эмиль, подталкивая дочь вперёд толстыми пальцами. – Тот самый, что Синюю поймал.

Катрин посмотрела на Шарля. Шарль посмотрел на Катрин. Секунда растянулась в вечность.

Потом оба уставились в пол.

– Здравствуй, – выдавил Шарль.

Голос хриплый, глухой. Язык не слушается. Слова застревают в горле.

– Здравствуй, – ответила Катрин. Тихо. Как колокольчик.

Голос её был мелодичным, чистым. Шарль почувствовал,

как что-то екнуло в груди.

Красиво. Она говорит красиво.

Ализе за их спинами давилась смехом, зажимая рот руками.

Плечи трясутся. Глаза блестят от слёз. Она кусает губы, чтобы не расхохотаться.

Арно стоял рядом, скрестив руки на груди, и улыбался так довольноно.

– Мешок-то поставь, – шепнул он Шарлю.

Шарль спохватился, поставил мешок на пол. Мешок упал с глухим стуком. Мука внутри осела, поднимая облако пыли.

И снова замер. Руки висят плетьюми. Ноги не слушаются. Мозг отключился.

Скажи что-нибудь. Хоть что-нибудь. Не стой как идиот!

Но рот не открывается.

– Ну, я пойду, – сказал Арно, направляясь к выходу. – Дальше вы сами.

Он подмигнул Шарлю – быстро, почти незаметно – и добавил, обращаясь к Эмилю:

– Мешок парня на мне.

Большим пальцем подкинул монету в сторону пекаря.

Монета сверкнула в тусклом свете, прочертив золотую дугу в воздухе. Эмиль поймал её с ловкостью кошки, не глядя. Прижал к ладони, проверил на зуб. Кивнул, довольный.

У двери Арно обернулся, подмигнул Шарлю ещё раз и исчез в темноте улицы. Тишина повисла в лавке тяжёлая, как

мокрое бельё.

Шарль и Катрин стояли, не поднимая глаз.

Эмиль сзади крикнул, довольный, и пошёл перебирать специи, делая вид, что ничего не замечает.

Молодёжь. Пусть сами разбираются.

Ализе давилась смехом тише – но не переставала.

Катрин первой нарушила молчание.

– Вы надолго в город? – спросила она тихо.

Голос дрожал – чуть-чуть, почти незаметно. Но Шарль услышал.

Он поднял глаза. Встретился с её взглядом. Голубые глаза смотрели на него – прямо, открыто, без хитрости.

Она не флиртует. Не играет. Просто спрашивает.

Шарль открыл рот, закрыл, снова открыл.

– До завтра, – выдавил он. – Потом обратно в небо.

Катрин кивнула. Помолчала. Потом сказала просто:

– Приходи ещё. Если будет время.

Не кокетливо. Не с намёком. Просто.

Приходи. Я буду рада.

Шарль почувствовал, как сердце стучит громче.

– Приду, – выдохнул он.

Когда Шарль уже собрался уходить, Катрин окликнула его:

– Шарль, подожди.

Она сняла браслет с руки и протянула ему.

Это был плетённый браслет из тонкой медной проволоки.

Простой, но аккуратный – на конце болталась маленькая бусина из голубого стекла.

– Это... тебе, – сказала она тихо. – На удачу. Чтобы ты возвращался.

Шарль взял браслет, повертел в пальцах. Сердце забилося быстрее.

– Спасибо, – выдавил он. – Я... я буду носить его всегда.

Катрин улыбнулась – робко, но тепло.

Улыбка преобразила её лицо. Глаза засветились, щёки порозовели. Она стала ещё красивее.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Шарль надел браслет на левое запястье.

Он сидел плотно, но не жал. Металл прохладный, гладкий.

Бусина звякнула тихо, ударившись о кожу.

Как будто всегда был там.

Ализе за их спинами закатила глаза – так сильно, что чуть не упала. Но промолчала.

Взрослые. Идиоты. Целуются глазами.

Эмиль сзади довольно крякнул и пошёл перебирать специи, делая вид, что ничего не замечает.

Хороший парень. Катрин повезло.

У сапожника было тихо. Старик с кривыми пальцами, похожими на корни дерева, взял сапоги Шарля, повертел, покачал головой.

– В небе не бережёшь, парень, – прошамкал он. – Дырок

больше, чем кожи.

– Почините? – спросил Шарль.

– Починю, – кивнул старик. – Недорого.

Шарль заплатил и оставил лишнюю монету. Старик посмотрел на него удивлённо, но ничего не сказал. Только кивнул ещё раз, благодарно.

На обратном пути, когда они проходили мимо теплиц, Ализе вдруг спросила:

– А Золотая молния правда существует?

Шарль остановился. Посмотрел вверх, на вечные тучи, за которыми ничего не видно, кроме редких вспышек.

– Говорят, да, – сказал он. – Говорят, из-за нее появился Перевал. Говорят, если её поймать, можно всё изменить.

– А что изменить? – спросила Ализе.

– Всё, – ответил Шарль. – Или ничего. Может, просто сдохнешь. Никто не знает.

Ализе замолчала и больше не спрашивала.

Они проходили мимо входа в теплицы. В полумраке светились гигантские стёкла, за которыми угадывались силуэты людей, снующих между грядками. У входа стоял старик.

Готье.

Он смотрел на них – вернее, смотрел куда-то сквозь, в темноту над их головами. Увидев Шарля, он кивнул. Один раз. Коротко.

Шарль кивнул в ответ.

– Он всегда здесь стоит, – прошептала Ализе. – Как будто

ждёт чего-то.

– Ждёт, – согласился Шарль. – Когда Тенебр снова станет тем, чем был. Или когда упадёт. Я не знаю.

Ализе посмотрела на старика, потом на брата. И снова замолчала.

Мать готовила на одной конфорке – света хватало только на неё. Кастрюля булькала, пар поднимался к потолку, смешиваясь с запахом дешёвого мыла и сырости.

Ужинали молча. Похлёбка была жидкой, но горячей. Шарль ел и чувствовал, как дом понемногу вытесняет страх, засевающий под рёбрами.

Мать смотрела на него поверх миски. Долго. Потом спросила:

– Завтра выходишь в небо?

– Да, – ответил Шарль. – Утром выходим.

Мать кивнула. Помолчала.

– В лавку сходили?

– Сходили. Мука у Эмиля, сапоги у мастера.

Мать снова кивнула. Потом вдруг усмехнулась – редкость для неё.

– Слышала, Эмиль дочку показывал. Катрин.

Шарль поперхнулся похлёбкой. Ализе захихикала, уткнувшись в миску.

– Капитан обещал познакомить, – пробормотал Шарль в тарелку. – Вот и...

– Красивая? – спросила мать.

Шарль покраснел до корней волос. Ализе уже откровенно давилась смехом.

– Нормальная, – выдавил Шарль.

Мать усмехнулась ещё раз, но ничего не сказала. Только покачала головой и продолжила есть.

Ализе, отсмеявшись, вдруг спросила серьёзно:

– А ты вернёшься?

Шарль посмотрел на неё. В её глазах было что-то, чего он не видел раньше. Не детское любопытство – взрослый страх.

– Вернусь, – сказал он твёрдо. – Я всегда возвращаюсь.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Ализе кивнула и сидела тихо, как мышка. Но Шарль видел, что она закипает. Наконец, не выдержав, она выпалила:

– Я тоже пойду в небо! Буду охотницей! Лучше Шарля!

Мать повернулась к ней резко.

– Только через мой труп, – отрезала она. – Одного охотника в семье достаточно.

Тишина повисла в комнате тяжёлая, как мокрое бельё на верёвках.

Ализе сжала губы, но промолчала. Только глаза её горели так, что, казалось, могли осветить комнату без всяких свечей.

Шарль лежал на своем истончавшемся матрасе и смотрел в потолок. Спать не хотелось. Каждый раз, когда он закрывал глаза, вспышка возвращалась. Грохот. Молния в воло-

сах. Рука капитана, вырывающая его из пустоты.

Но сегодня в темноте перед глазами всплывало и другое. Светлые волосы. Голубые глаза. Тихий голос: «Приходи ещё, если будет время».

Шарль улыбнулся в темноту.

Я справился. Я не струсил. И теперь есть ради чего возвращаться.

Он сжал кулак и заставил себя дышать ровно.

Рядом, на своей лежанке, Ализе притворялась спящей.

Она смотрела на брата сквозь ресницы. Видела, как он улыбается, и не понимала, чему. Но внутри неё росло что-то твёрдое и холодное.

Она должна быть готовой. Она защитит мать. Она будет сильной.

Она пойдёт в небо.

Что бы ни говорила мать.

Ализе закрыла глаза и улыбнулась в темноту. План уже зрел в её голове. Она не знала, как именно это сделает, но знала точно: сделает.

Скоро.

Очень скоро.

Глава 4. Ветер переменился

На рассвете – а был ли рассвет?

Разница между днём и ночью на поверхности почти не ощущалась. Непроглядные тучи съедали свет, оставляя лишь более светлую тьму. Серые сумерки, в которых тени тянулись длиннее, чем положено, а лица людей казались вырезанными из старого пергамента.

Не было солнца. Не было заката или рассвета в привычном понимании. Только постепенное осветление мрака – с полной черноты до грязно-серого. Как будто мир решал, стоит ли вообще просыпаться сегодня.

Шарль проснулся рано. Раньше, чем нужно. Раньше, чем должен был. Раньше, чем Ализе.

Лежал на истончавшемся матрасе, глядя в потолок, и крутил на запястье медный браслет. Бусина звякала тихо – стекло по металлу, успокаивающий звук.

Катрин.

Он вспоминал её голос. Её взгляд. Её слова: «Приходи ещё, если будет время».

Вернусь. Обязательно вернусь.

Он встал бесшумно, оделся в темноте на ощупь. Куртка Casse-Cous пахла кожей, металлом и небом. Сапоги скрипнули, когда он натягивал их. Старые, отремонтированные, но надёжные.

Браслет звякнул снова, когда Шарль застёгивал ремень.
Талисман. Оберег. Обещание.

Мать не спала. Он знал. Она никогда не спала перед его выходом в небо. Просто лежала в темноте, слушала его движения и молча молилась о защите.

Шарль остановился у двери её комнаты. Хотел зайти. Сказать что-то. Попрощаться по-человечески.

Но не зашёл.

Если попрощаюсь – она подумает, что я не вернусь. А я вернусь. Обязательно.

Он вышел из дома тихо, закрыв дверь без звука.

Téméraire стояла на платформе, готовая к выходу.

Корабль был освещён десятками ламп – редкая роскошь, но традиция. Проводы охотников в небо всегда сопровождались светом. Символ жизни. Символ надежды. Символ возвращения.

Площадь Le Cœur des Ténèbres была полна людей.

Они собирались всегда – провожали своих. Жёны, дети, старики. Кто-то молился, кто-то плакал, кто-то просто стоял молча, глядя на корабль, как на последнюю надежду.

Толпа ревела.

Téméraire отчалила под крики толпы, собравшейся на площади Le Cœur des Ténèbres:

– Bonne chance!

Крики смешивались с молитвами, плачем детей и бодрыми проклятиями старух, которые желали удачи по-своему:

– Чтоб вам пусто было, если без добычи вернётесь!

– Живыми! Только живыми!

– Да хоть голыми, только ноги целы!

Голоса сливались в единый рёв – мольба, требование, надежда. Тенебр провожал своих защитников. Своих кормильцев. Своих обречённых.

Шарль стоял у борта, вглядываясь в толпу.

Рыжая голова Ализе мелькнула где-то у края. Она прыгала, махала руками, кричала что-то неразборчивое. Рядом с ней мать – неподвижная, тёмная фигура, как статуя. Не машет. Не кричит. Просто стоит.

Она боится. Каждый раз боится. Но не показывает.

Но он искал другую.

Светлые волосы и голубые глаза. Он нашёл её.

Катрин стояла чуть поодаль от толпы, рядом с лавкой отца.

Катрин стояла чуть поодаль от толпы, рядом с лавкой отца. Она не кричала, не махала. Просто смотрела. Когда их взгляды встретились, она чуть наклонила голову – и Шарль почувствовал, как внутри разливается тепло, сильнее, чем от самого крепкого рома.

Волосы заплетены в косу, переброшенную через плечо. Платье простое, серое, фартук в муке. Руки сложены на груди – не от холода, от волнения.

Смотрела прямо на него, не отводя глаз. Когда их взгляды встретились, она чуть наклонила голову – едва заметно,

почти незаметно.

Возвращайся.

Жар поднялся от груди к горлу, к щекам. Сердце забилося быстрее – не от страха, от чего-то другого. От надежды. От обещания. От будущего, которое вдруг стало возможным.

Я вернусь. Ради тебя. Ради этого взгляда.

Он поднял руку.

Не помахал – просто поднял, показывая, что видит. Что помнит. Что вернётся.

Катрин кивнула. Один раз. Медленно.

Корабль пошёл вверх.

Поднимался тяжело, будто небо с неохотой принимало его обратно.

Металлические крылья, сложенные вдоль корпуса, медленно разворачивались, ловя несуществующий ветер. Сервоприводы визжали, смазка на шарнирах трещала от холода. Каждое движение стоило усилия.

Катушки гудели, набирая заряд от бортовых накопителей.

Звук был низким, вибрирующим – чувствовался не ушами, а костями. Металл отзывался глухим напряжением, каждый шов, каждая заклёпка пели свою песню.

Téméraire старая. Усталая. Но гордая. Она вынесет нас. Ещё раз. Ещё сотню раз.

Тенебр уходил вниз.

Сначала различимо – площадь, дома, люди. Потом размыто – пятна света, тени строений. Потом исчезло – серая мгла

поглотила всё.

Шарль смотрел вниз, пока видел. Искал светлые волосы в толпе. Не нашёл – слишком далеко уже.

До встречи, Катрин. Жди меня.

На капитанском мостике Арно стоял, опершись на перила, держась за канат. Вся команда собралась на палубе. Ветераны-бородачи, сорвиголовы, ласточки на мачтах, зелёные, жмущиеся к опытным.

Моя команда. Моя ответственность. Мои люди.

Арно говорил без крика – но его слышали все.

– Дама и господа. Мы охотники, – начал он. – Каждый выход в небо – это игра в рулетку. Если повезёт – мы вернёмся домой.

Пауза. Ветер шевелил полы его камзола.

– И поверьте мне: когда есть куда возвращаться – это уже победа.

Он обвёл взглядом лица. Задержался на Шарле, который всё ещё смотрел вниз, туда, где Тенебр уже скрылся в полумраке.

Он влюблён. Впервые. Сильно. У него есть ради чего вернуться. Помимо ответственности за семью он обрел другую причину.

– Но если очень повезёт – мы возвращаемся с добычей. Наш дом принимает нас такими, какие мы есть. И сегодня он нуждается в нас. Единственный свет, доступный таким наземным крысам, как мы, – свет очага. Так сделаем всё, чтобы

сегодня в наших норах очаги не погасли.

Он поднял голову к небу, к вечным тучам.

– Mon Dieu, даруй нам богатство и удачу в охоте на тех, кто возомнил себя тиранами под твоим тронem в небесах.

– Аминь! – выдохнула команда.

– А теперь по местам. Подготовьте мою Téméraire не просто к поцелую с Фортуной... а к ночи, полной страстной любви.

На этот раз смех был короче. Все понимали: охота будет тяжёлой.

Шторм встретил их раньше, чем ожидалось.

Грозовой Перевал был неспокоен: воздух почти визжал от напряжения, но молнии почти не били, словно небо спорило само с собой. Облака клубились, закручиваясь в воронки, и корабль бросало из стороны в сторону, будто щепку.

– Затишье, – буркнул Фульгор, вращая штурвал. Его разноцветные глаза – серый и синий – смотрели в разные стороны, но оба видели одно: Перевал сегодня не в духе. – Перевал сегодня не любит прямых путей.

– Тогда будем ласковыми, – отозвался Арно.

Фульгор не обратил внимания – то ли снова обострилась его глухота, то ли не посчитал нужным соглашаться с очевидным.

Сети проверяли дважды. Станганы заряжали молча. Casse-Cous не переглядывались – каждый был занят своим делом, проверял ранцы, тросы, крепления. Шарль маши-

нально провёл рукой по поясу, проверяя, на месте ли кинжал. На месте. Глупо, но успокаивает.

Браслет звякнул на запястье.

Катрин.

Братья Дюваль запели тихо. Не песню для куража, но для концентрации. Ровный, медленный ритм, как стук сердца. Для тех, кто уйдёт вниз, песня была якорем: по ней определяли расстояние до Téméraire, по ней держали дыхание и нервы.

Вей, удача, – паруса!

Наведи на богача.

Вей, удача, – не шторми!

Чтоб вернуться нам с тугим мешком к родным.

Вей, удача, – помоги!

– Живьём, – напомнила Рене, подходя к капитану. – Порт Версе платит за живых больше. В три раза.

Арно кивнул.

– Знаю.

Он посмотрел на небо, на клубящиеся тучи. Что-то сегодня было не так. Воздух пах озоном сильнее обычного, и волосы на затылке шевелились от статики.

– Будьте осторожны, – сказала Рене. Тихо, чтобы никто не слышал.

– Всегда, – усмехнулся Арно.

И прыгнул первым.

Casse-Cous шагнули за борт без колебаний. Магнитные

ранцы взвыли, тросы натянулись. Чёрные фигуры одна за другой исчезали в серой вате облаков.

Шарль шагнул последним среди Casse-Cous.

Небо сомкнулось вокруг них тяжёлой, влажной массой. Мир сузился до нескольких метров видимости, до гула ранцев, до натянутых тросов, пульсирующих, как живые.

Серость. Везде серость. Но я больше не боюсь.

Шарль скользнул вниз, чувствуя, как холод пробирается под куртку. Рывок – и он уже на рабочей глубине. Справа и слева мелькали тени других охотников. Все знали свои места.

Первые «лепёшки» появились почти сразу – плоские, широкие, скользящие между слоями туч, как электрические скаты. Их разряды были слабыми, но для новичка опасными.

Работали парами. Без суеты. Один загонял – короткие импульсы ранца, станган трещит, подталкивая добычу. Второй перекрывал путь сетью. Трос натягивался – и птицу уводило вверх, к борту. Живьём.

Взять птицу живьём – дело не простое. Пойманная, она билась отчаянно, разряды хлестали по сети, по тросу, по людям. Руки немели, но никто не отпускал.

Взяли одну. Потом вторую – уже с усилием, но чисто.

Две синие. Жирная удача, о которой потом будут говорить за столами и у очагов.

Шарль работал чётко. Он поймал свою птицу – ту самую, вторую. Сеть легла идеально, и синяя, попавшая в неё, би-

лась яростно, выгибалась, пыталась зарядиться, но он держал дистанцию, не поддаваясь ни панике, ни азарту. Всё – как учили. Всё – как показывал капитан.

Когда гром-птица рванулась особенно сильно, он инстинктивно вскинул станган, почти добивая её – и в этот миг услышал голос Арно.

– НЕ БЕЙ! Живые стоят больше, чем их жемчуг!

Шарль стиснул зубы и отступил. Сеть выдержала. Птицу утащили наверх по тросу.

Получилось. У меня получилось.

Даже в тучах, среди молний и ветра, мелькнули улыбки.

Ещё пара – и хватит с запасом на починку и новые снасти.

И на город, которому снова будет чем дышать.

Арно держался выше всех, скользя вдоль невидимых линий ветра. Он не расслаблялся – выдыхал только зайдя в Те-небр.

И тогда воздух изменился.

В носу защипало. Ветер словно уплотнился, потяжелел, будто небо втягивало воздух перед выдохом. Давление упало так резко, что заложило уши.

– Что за... – начал кто-то.

Удар!

Хлопок был глухим, непривычным. Не треск и не гром – скорее, как выстрел из пушки в закрытом помещении. Воздух дрогнул, и по всем частотам эфира прошёл вой, от которого заныли зубы.

Арно замер.

– ВЗРЫВНАЯ! – заорал кто-то.

Туча впереди разорвалась вспышкой. Птица была больше тех, что они брали раньше. В два раза. В три. Её разряды били не вспышками – ударами, будто кто-то колотил по самому воздуху гигантским молотом.

– Держать дистанцию! – рявкнул Арно. – Не сближаться!

Он рванул вперёд, подставляясь, принимая удар на себя. Vérité и Artifice били коротко и точно – не чтобы ранить, а чтобы сбить заряд, увести внимание, выиграть секунды.

Птица металась, рвала тучи. Её разряды хлестали во все стороны, и каждый был смертелен.

Casse-Cous маневрировали на пределе. Магнитные ранцы выли, перегруженные до красных индикаторов. Люди уклонялись, уходили в пике, взмывали вверх, но птица была быстрее.

Кто-то не успел.

Молния прошла рядом – слишком рядом. Крик. Потом ещё один.

Арно перехватил птицу, увёл её в сторону, прикрывая своих. Vérité щёлкнул впустую – магазин пуст. Artifice тоже. Он отбросил пистолеты, они повисли на страховочных ремнях.

В тот момент – где-то далеко, за километры от них – небо вспыхнуло красным. Глубокий, тяжёлый разряд прошёл по горизонту, разрезая тучи, как нож.

Фульгор на мостике побледнел.

– Красный Эльф... – прошептал он. – Только не сейчас...

Эльф взмахнул крылом.

И Взрывная, будто почувствовав свободу, нашла окно.

Разряд ударил в тот самый миг, когда Арно перезаряжался.

Сеть одного из Casse-Cous – парня чуть старше Шарля, вспыхнула, трос лопнул, и человек ушёл вниз, исчезая в тьме.

Шарль рванул следом без тени сомнения, растягивая свой трос до предела. Пальцы вцепились в ремень падающего товарища, трос взвыл, натягиваясь, будто живой. Рывок был такой силы, что Шарль едва не выронил оружие.

– Шарль, отходи! – рявкнул Арно.

Но птица уже увидела их.

Она развернулась и пошла прямо на них, собирая заряд. Вокруг неё воздух светился, трещал, плавился. Арно стрелял, не считая остатка в магазинах. Опустошая их напрочь.

Ранец захлёбывался – заряд таял, манёвр замедлялся. Он не успевал.

Птица ударила в упор.

Шарль успел лишь зажать курок, выбрасывая сеть прямо в летящую смерть. Разряд прошёл сквозь него, но сеть сработала – птица запуталась.

Шарль почувствовал удар раньше, чем понял, что случилось. Мир взорвался светом, боль пронзила всё тело, и вдруг

исчезла. Осталась только пустота и странное, далёкое ощущение полёта.

Он падал.

Арно увидел это. Рванул вниз, разрывая дистанцию.левой рукой успел схватить Шарля за запястье. Тот самый браслет – синяя бусина мелькнула перед глазами.

– Держись! – закричал Арно.

Трос, на котором висел капитан, натянулся до звона. Вес двоих был слишком велик. Механизм лебёдки взвыл, не справляясь.

– Тяните! – орал Гаспар наверху.

Но трос не выдержал.

Лопнул.

Арно почувствовал, как рука Шарля выскользывает из его пальцев. Мальчик смотрел на него снизу вверх – в глазах не было страха. Только усталость и странное спокойствие.

– Прощайте, капитан... – шепнули его губы.

И пальцы разжались.

Он падал.

Шарль попытался вздохнуть, но тело не слушалось.

Перед глазами всплыло лицо Катрин. Её улыбка. Короткий кивок на прощание.

«Приходи ещё, если будет время».

Времени больше не было.

Он закрыл глаза.

Арно остался висеть на почти оторванном тросе, глядя в

пустоту. В правой руке он сжимал что-то тёплое. Медный браслет с голубой бусиной.

Браслет Катрин.

Тучи проносились мимо, серые, мокрые, равнодушные. Где-то далеко вверху мелькнул силуэт Тéméraire – чёрный, родной, недостижимый.

Арно закричал – в небо, в пустоту, в тучи, которые не хотели отдавать своих мёртвых.

В ярости он отбросил пустые пистолеты, выхватил саблю Dernier Recours и вонзил её в тушу монстра – глубоко, до упора, будто хотел пронзить самую бурю. Сталь вошла в живую плоть, птица взвизгнула, дёрнулась, но Арно не отпустил. Он резал, рвал, уничтожал.

Вспышка ослепила всех.

Птица рухнула и исчезла в тучах.

– ВСЕ НА БОРТ! – голос Арно был сорван, но не допускал возражений.

На палубе было тихо. Слишком тихо.

Добычу считали молча. Две синие, пять лепёшек – и Взрывная, которую подняли полумертвой.

Пинсе работал, не поднимая головы. Сначала люди, потом тросы. Механик-врач, сочетание диковинное, но как нельзя кстати подходящее единому организму по имени Тéméraire. Он перевязывал раненых, ампутировал то, что уже не спасти, и молча кивал, когда кто-то не открывал глаза.

Рене делала записи аккуратно, точно и быстро. Перо лета-

ло над бумагой. Потери уже были подсчитаны, и сумма для семей погибших запланирована из добычи.

– Четверо, – сказала она тихо, подходя к Арно. – Двое ранены тяжело. Одного... не нашли.

Арно не ответил.

Он стоял у борта, глядя в тьму под Téméraire, туда, где не осталось даже следа. Туда, где только что был Шарль. Рыжий парнишка, который так боялся смерти в прошлый раз – и шагнул в неё сам, чтобы спасти товарища.

«Вы... вы самый храбрый из нас», – вспомнил он слова Шарля.

– Свет стоит дорого, – прошептал Арно. – Иногда – слишком дорого.

Рене молча встала рядом. Положила руку ему на плечо. Не сказала ничего – слова сейчас были лишними.

Где-то внизу, в Тенебре, Катрин ждала у окна. Ализе играла с соседскими детьми, не зная, что её брат больше не вернётся. Мать Шарля сидела у очага, штопая старую рубашку, и думала о том, что завтра сын придёт, и можно будет поговорить с ним о невесте.

Они ещё не знали.

Арно посмотрел на небо – чёрное, плотное, равнодушное. – Курс на Версе, – сказал он. – Заплатим поборы и домой.

Корабль медленно развернулся, уходя из опасной зоны, унося на борту добычу, раненых, мёртвых и тех, кому ещё предстояло жить.

Свет стоил дорого. Но выбора не было.

Глава 5. Белый камень, черный счёт

Солнце было делом привычным для команды *Téméraire*.

Они видели его достаточно, чтобы не замирать при каждом луче. Не так, как наземные крысы из Тенебра, для которых солнце было легендой из книг. Команда летала высоко. Иногда пробивалась сквозь тучи. Иногда ловила рассвет на самой кромке Перевала, где свет был розовым и нежным, как кожа новорождённого.

И всё же сейчас многие невольно замедлялись, поднимая головы.

Потому что в Версе солнце было другим – не украденным, не случайным. Постоянным.

Версе купался в свете.

Не в том бездушном, выстраданном свете теплиц Тенебра – тусклых ламп, питаемых жемчугом, который стоил жизней. Не в холодном мерцании молний, которые убивали чаще, чем освещали.

А в свободном, щедром, будто само небо здесь не знало, что может быть иначе.

Свет лился отовсюду. Сверху – с неба, где облака были белыми, пушистыми, безобидными. С боков – отражаясь от белого камня зданий. Снизу – от полированных мраморных

площадей, которые сверкали, как зеркала.

Слишком много света. Непривычно. Глаза щурятся, слезятся. Хочется спрятаться в тень. Белый камень отражал лучи, сглаживая тени.

Башни поднимались вверх спокойно и уверенно, словно их никогда не били молнии. Шпили тонкие, изящные, увенчанные золотыми флюгерами. Стены гладкие, без сколов, без трещин, без шрамов.

В Тенебре каждое здание – это бункер. Низкое, приземистое, вросшее в камень. Здесь – дворцы. Как будто здесь никогда не было войны.

Город выглядел красивым и отстранённым. Не враждебным, но равнодушным.

Улицы были широкими, вымощенными белым камнем без единого пятна грязи. По ним прогуливались люди в светлых одеждах – мужчины в камзолах с золотым шитьём, женщины в платьях из шёлка и кружев. Никто не бежал. Никто не кричал. Никто не нёс мешки, не таскал воду, не чинил крыши.

Они живут. Мы – выживаем.

Воздух пах не потом, а цветами. Где-то росли сады – террасами, на крышах, в атриумах. Жасмин, роза, лаванда. Запахи сладкие, приторные, непривычные.

В Тенебре воздух пахнет углём, плесенью, ржавчиной. Здесь – духами.

Гаспар, стоя у борта, смотрел на город с ленивым презре-

нием.

Руки сложены на груди – огромные, покрытые шрамами, мозолями, ожогами. Такие руки не созданы для чайных чашек и кружевных салфеток. Они созданы, чтобы таскать пушечные снаряды, крутить рукояти лебёдок, ломать кости врагам.

– Чистенько, – буркнул он. – Как в морге. Даже плюнуть некуда – сразу видно, штрафанут.

Голос его был громким, грубым, но сейчас в нём звучала усталость. Не физическая – моральная.

Здесь всё идеально. Слишком идеально.

Рядом Огюст, поднявшийся из камбуза, чтобы глотнуть свежего воздуха. Он вытирал руки о фартук – машинально, хотя руки уже были чистыми. Привычка. Кок не может стоять с грязными руками, даже если готовка закончена.

Он хмыкнул:

– Зато здесь не пахнет озоном и потом. Хотя я боюсь, что меня ослепит эта... чистота.

Затем прищурился, глядя на белые башни. Солнце било в глаза, отражаясь от камня так ярко, что хотелось отвернуться.

Свет должен греть, а не жечь. Здесь он жжёт.

Братья Дюваль молча смотрели на город. Жан-Мишель стоял у мачты, опираясь на неё плечом. Слепой скрипач. Глаза его были закрыты – не потому, что не видели, а потому, что так он лучше слышал.

Он повернул голову в сторону башен. Вслушивался.

– Здесь музыка другая, – сказал он тихо. – Слишком правильная. Слишком... мёртвая.

Голос был печальным. Не осуждающим – просто грустным.

В Тенебре музыка живая. Неровная. Надрывная. Здесь – вымеренная. Как ноты на бумаге, которые никто не играет.

Люк кивнул, хотя не слышал ни слова.

Средний брат был глухим. Но он чувствовал. Вибрации. Настроение. Он видел лица людей – напряженные, неприветливые, даже надменные.

Город без души. Красивая оболочка. Пустая внутри.

Пьер свистнул тихо – не мелодию, просто звук. Протяжный, грустный.

Здесь не хочется играть. Некому играть. Эти люди не слушают. Они смотрят.

Téméraire вошла в порт мягко, почти вежливо, будто стараясь не напоминать о том, откуда она пришла. Металл больше не скрипел, крылья не ловили разряды. Корабль будто выдохнул, оказавшись под тихим небом Версе.

Здесь воздух не пах озоном. Здесь он был чистым. Пресным. Как вода, которую пропустили через фильтр десять раз, и она потеряла вкус.

Не потому, что не было о чём говорить. Слов было много – но все они застревали в горле, как кость. Говорить о мёртвых при чужих было неправильно. Говорить о деньгах при

мёртвых – ещё хуже.

Добычу принимали быстро и аккуратно.

Люди порта смотрели на клетки с гром-птицами без интереса, как на ящики с товаром. Ни взглядов, ни вопросов. Всё по спискам. Всё по весу. Всё по правилам.

Один портовый – молодой парень в белом комбинезоне – подошёл к клетке с синей. Постучал по прутьям палкой, как по бочке. Проверая прочность.

Птица дёрнулась, ударила разрядом. Прутья засверкали, запахло озоном. Парень даже не вздрогнул. Отметил что-то в журнале и пошёл дальше.

Для них это груз. Цифры. Вес и объём.

Для нас – это крики, вспышки, смерть товарищей.

Гаспар смотрел на это и сжимал кулаки. Руки дрожали – не от страха, от ярости, которую приходилось держать внутри.

Мы принесли это ценой жизней. А они принимают, как мешки с зерном.

Для команды это было страннее всего.

Для них каждая из этих клеток всё ещё гудела в памяти криками, вспышками, натянутыми тросами. Шарль, падающий в пустоту. Арно, кричащий в небо. Кровь на палубе. Запах горелого мяса.

Здесь же это был просто груз. Просто цифры, которые скоро станут другими цифрами.

Мы для них тоже цифры, поставщики, расходный матери-

ал.

Чиновник в белом камзоле перебирал бумаги, сверяясь со списками. Он сидел за столом – массивным, дубовым, покрытым зелёным сукном. На столе перед ним громоздились папки, каждая с аккуратной биркой. Чернила, печати, промокاشки. Всё идеально. Всё на своих местах.

Сам чиновник был такой же идеальный. Лет сорока, лицо гладкое, бритое, без единого шрама. Руки ухоженные, ногти подстрижены. Камзол белый, накрахмаленный, без единого пятна.

Он никогда не был в небе. Никогда не видел молний вблизи. Никогда не держал умирающего товарища на руках. Для него мы строчки в бухгалтерской книге.

– Итак, с текущего рейса: две синие, одна взрывная (туша, к сожалению, травмирована, но жемчуг извлечём), двадцать три лепёшки. Плюс с предыдущего рейса – восемнадцать лепёшек и одна синяя, которую вы не сдали в прошлый раз. Всё вместе.

Рене стояла напротив, прямая, как струна. Руки за спиной. Лицо спокойное, но глаза холодные. Она помнила ту синюю.

Её поймали ещё в первый выход, когда Шарль, рыжий парень, весь в веснушках, трясущийся от страха, но не отступающий, в первый раз поймал птицу. Один. Без помощи. Сеть легла идеально.

Капитан хлопнул его по плечу. Гаспар рассмеялся. Коман-

да подняла кружки. А теперь его нет. И эта птица – часть расчёта.

Тогда они сразу ушли в Тенебр, не заходя в Версе. Город задыхался без света. Теплицы гасли. Люди голодали. Арно принял решение – отдать добычу городу напрямую, рассчитаться с командой из капитанских запасов.

Это стоило ему почти всех личных сбережений. Но люди поели. Свет зажёгся. Город прожил ещё неделю.

Теперь пришло время рассчитаться по-настоящему.

– Итого по двум рейсам, – продолжал чиновник, водя пальцем по строкам, – три синие, одна взрывная, сорок одна лепёшка.

Перо царапало бумагу. Звук монотонный, успокаивающий. Для чиновника. Для Рене – раздражающий.

– Вес и качество – стандартные. Но с учётом новых правил...

Он поднял глаза на Рене. И в его взгляде мелькнуло что-то похожее на сочувствие – или показалось? Может, он знает. Может, ему жаль. А может, просто устал читать цифры.

– Ваша доля будет известна после оценки комитетом. Обычно три-четыре дня.

Тишина. Рене не шевельнулась. Но Гаспар, стоявший за её спиной, дёрнулся вперёд.

– Три-четыре дня? – голос его был громким, возмущённым. – Мы что, гостиницу здесь снимать будем? У нас люди...

Рене жестом остановила его. Рука поднялась – медленно, властно. Гаспар замолчал. Стиснул зубы, но отступил.

Она старпом. Она говорит с чиновниками. Она знает, как.
– Нам нужно к коменданту, – сказала она ровно. – У нас нет выбора.

Голос был холодным, деловым. Но внутри всё кипело.
Три-четыре дня. Значит, торг. Значит, давление. Значит, снова урежут.

Всегда так. Всегда находят способ отнять больше.
Чиновник равнодушно кивнул и ушёл, унося с собой списки. Дверь за ним закрылась тихо. Осталась только команда.

Гаспар выругался – длинно, смачно, на всех языках, что знал языках. Рене не остановила его. Сама хотела крикнуть. Но нельзя. Старпом не кричит. Старпом держит себя в руках. Потому что, если она сорвётся – сорвутся все.

Арно умылся, сменил рубаху, привёл себя в порядок медленно, почти машинально. Движения были точными, выверенными, как перед выходом в небо. Вода была холодной – специально взял из бочки со льдом. Плеснул в лицо, почувствовал, как кожа стягивается, как сознание проясняется.

Холод отрезвляет. Убирает эмоции. Оставляет только разум.

Он вытерся грубым полотенцем. Кожа покраснела, зачесалась. Хорошо. Боль тоже отрезвляет.

Рубаха была чистой – вахтенные постирали накануне, раз-

весили сушиться в камбузе. Пахла мылом и дымом. Домашний запах. Успокаивающий.

Дом. Корабль – мой дом. Команда – моя семья. Всё остальное – враги или временные союзники.

Арно посмотрел в зеркало. Лицо в отражении выглядело спокойным.

Глубоко посаженные серо-стальные глаза не бегали – они тяжело и медленно перемещались по отражению, изучая каждую деталь. Морщины у глаз – от прищуривания в небо, от поиска молний на горизонте. Шрам у виска – старая рана, почти забытая.

Широкие, изломанные брови были сведены не в гневе, а в сосредоточенности человека, который давно перестал ждать от мира простых ответов.

Рыжие волосы, веснушки, та глупая улыбка, когда он смотрел на Катрин. Глаза, горящие от первой любви. Руки, дрожащие от страха, но не отпускающие трос.

Он спас товарища. Бросился в пекло, не думая о себе.

«Вы... вы самый храбрый из нас», – сказал он тогда.

А теперь его нет.

Арно сжал зубы. Мысль о том, что мать Шарля и Ализе ещё не знают, жгла изнутри.

Они ждут. У окна. Каждый день смотрят в небо. Ждут корабль.

А я должен прийти и сказать: «Ваш сын мёртв. Ваш брат мёртв. Вот его браслет. Это всё, что осталось».

Как я скажу? Как я посмотрю в глаза матери?

– Потом, – сказал он себе вслух. – Сначала дело.

Голос был твёрдым. Командирским. Но внутри всё дрожало.

Сначала получу деньги. Хотя бы на похороны. Оплачу поборы Дюге. Хотя бы что-то.

Он застёгивал ремень, проверял нож, будто выходил не в портовую контору, а в небо.

Пальцы двигались автоматически. Ремень – затянуть, проверить пряжку. Нож – вынуть, проверить остроту лезвия большим пальцем, вложить обратно. Пистолеты – на поясе, магазины полные.

Зачем оружие в конторе? Не знаю. Привычка. Без оружия я голый.

Спокойствие держалось на привычке и упрямстве. Но Рене знала его слишком давно, чтобы поверить этому лицу.

Она остановилась у трапа и посмотрела на него внимательно, без слов. Глаза её были тёмными, серьёзными. Не осуждающими – оценивающими.

Он на грани. Ещё чуть-чуть – и сорвётся.

Он ответил тем же. Молча. Два человека, знающие друг друга годами. Слова не нужны. Достаточно взгляда.

– Я схожу, – сказала она спокойно.

Арно нахмурился.

Брови сошлись, глаза сузились. Не от гнева – от несогласия.

– Рене...

Арно хотел возразить. Сказать, что справится. Что контролирует себя. Что не сорвётся. Но не мог. Потому что она была права.

Я прирежу Дюге. Прямо в кабинете. Вонжу нож в его самодовольное лицо. И это ничего не изменит. Только сделает хуже. Он лишь часть системы.

– И что мне потом делать? – добавила Рене с лёгкой усмешкой.

Она пыталась разрядить обстановку. Слегка. Чуть-чуть юмора в тяжёлой ситуации. Арно усмехнулся – кривой усмешкой, без веселья.

– Скинешь с корабля и станешь капитаном, который умеет принимать взвешенные решения, – согласился он, улыбаясь, почти в серьёз оценивая эту ситуацию как наиболее благоприятную для команды и Тенебра.

Он знал, что она права.

Я капитан. Я должен решать такие вещи сам. Но если пойду – всё испорчу.

Рене уже брала папку с документами, проверяя печати, пересчитывая листы. Пальцы двигались быстро, уверенно. Она работала с бумагами годами. Знала каждую лазейку, каждую уловку чиновников. Всё было готово. Всё было правильно. Так, как и должно быть, если мир ещё хоть как-то держался на правилах.

– Я справлюсь, – сказала она, не поднимая головы. – Про-

сто подожди.

Арно кивнул. Не сразу. Секунда колебания. Потом согласие.

Она справится. Она всегда справляется.

Когда она сошла на причал и смешалась с портовыми, он остался у борта, глядя ей вслед.

Фигура её была стройной, прямой. Шла уверенно, не оглядываясь. Черные как смоль волосы собраны в тугий узел. Рапира на боку – не для красоты, для дела.

Аристократка. Из высшего общества. Могла бы жить в дворцах, носить шёлка, выйти за другого аристократа и наслаждаться жизнью в замке. Но выбрала честь. Выбрала корабль. Выбрала нас.

Его тревога была не о бумагах и не о цифрах.

Он знал Дюге Труена. Знал его даже дольше, чем Рене знала Арно.

Умный. Хитрый. Беспринципный. Всегда знал, как использовать правила в свою пользу.

Он понимал: оставив Рене с ним наедине, он рисковал потерять контроль над ситуацией.

Дюге будет давить. Манипулировать. Но я доверяю ей. Она сильнее.

Но решил довериться.

Потому что у меня нет выбора. Если пойду сам – будет хуже.

Команда украдкой поглядывала на него, но никто не под-

ходил. Каждый держал своё. Кто-то сидел на ящиках, глядя в пустоту. Пустые глаза, пустые мысли. Просто сидел, дышал, существовал.

Устал. Слишком много смертей. Слишком мало денег. За чем мы это делаем?

Кто-то молча чинил снаряжение, которое ещё вчера работало безупречно. Руки двигались автоматически. Затягивали узлы, проверяли тросы, латали сети. Не потому, что нужно было – потому, что иначе сойдёшь с ума.

Работа. Работа не даёт думать. Не даёт вспоминать.

Кто-то смотрел на город и думал о доме, который сейчас был далеко внизу, под тучами.

Тенебр. Тёмный, грязный, нищий. Но родной. Там ждут. Жёны, дети, родители. Ждут, что мы вернёмся с деньгами.

Порт Версе сиял, а Тéméгаire стояла в его тени.

Буквально. Корабль причалил не к главным докам – блестящим, мраморным, с красными коврами для дворян. А к портовым – грязным, деревянным, где пахло рыбой и нечистотами.

Для нас здесь места нет. Мы мусор. Отбросы. Те, кто приносит добычу и уходит. Пока мы нужны – терпят. Как только перестанем быть полезными – выбросят.

Солнце садилось. Тени удлинялись, становились фиолетовыми, густыми.

Версе готовился к ночи. Зажигались фонари – не полутусклые лампочки, как в Тенебре, а яркие осветительные лам-

пы. Мягкий, ровный свет. Кое где даже висели гирлянды и уличные знаки. Атмосфера тут была праздничная. Всегда. Пир во время конца света. Хотя на поверхности свет закончился уже давно.

Команда молчала. Ждала.

Что скажет старпом? Сколько дадут? Хватит ли? В камбузе было пусто.

В камбузе *Téméraire* было пусто.

Не «тихо» – именно пусто, как бывает в кровати утром, когда ты её уже оставил, а простыня ещё тёплая. Лампа горела вполнакала, давая тёплый, неровный свет. Тени плясали на стенах – мягко, убаюкивающе. Пахло едой. Рататуюем, хлебом, маслом. Домашние запахи. Успокаивающие.

Арно сидел за столом.

Даже в тишине камбуза скулы были напряжены, как струны, а в уголках глаз залегли морщины-лучи – не от смеха, а от привычки щуриться в далёкие, штормовые горизонты.

Перед ним лежали разобранные пистолеты – *Vérité* и *Artifice*. Детали аккуратно разложены. Ствол, затвор, пружины, магазины. Каждая деталь на своём месте. Порядок среди хаоса.

Он чистил их медленно, методично, будто каждая деталь требовала отдельного размышления.

Тряпка скользила по металлу – мягко, без спешки. Щётка проходила по каналу ствола – вперёд-назад, вперёд-назад, ровно, ритмично. Масло ложилось тонким слоем – пахло ке-

росином и металлом.

Слегка поодаль лежали две жемчужины Взрывной птицы. Они были незаменимой деталью оружия. Дорогие, но без них никуда, так как жемчуг имел достаточно энергии чтобы создать электромагнитное поле, которое с огромной скоростью выплевывало снаряды.

В зависимости от режима стрельбы ствол мог плеваться как плазмой, прошивающей защиту вместе с тем, кто находится за ней насквозь, так и заряженными электричеством снарядами, которые имели останавливающий эффект.

Чистое оружие – это контроль. Это порядок. Это единственное, что я могу контролировать сейчас.

Никакой спешки. Никакой суеты. Только руки, металл и тишина.

Рядом, на скамье, лежала сабля *Dernier Recours*. Он уже прошёлся по лезвию камнем, теперь проверял кромку ногтем – осторожно, почти нежно. Ноготь скользил по стали, не цепляясь. Идеально. Острота бритвы.

Сталь была в порядке. Лучше, чем он сам.

Оружие не лжёт. Оружие не предаёт. Оружие служит, пока ты за ним ухаживаешь. Люди сложнее.

Он не винил небо. Никогда не винил.

Молнии не злые. Они просто есть. Природа. Стихия. Бесмысленно винить бурю за то, что она буря.

Но людей винить можно. Особенно самого себя. Поэтому он перебирал в голове охоту. Не вспышками, не эмоциями –

цепочкой решений. Холодный анализ. Разбор полётов.

Где пошёл первым? Правильно. Нужно было отвлечь Взрывную.

Где задержался на секунду дольше? Когда перезаряжался. Ошибка. Надо было считать выстрелы.

Где дал проклятой молнии слишком много пространства для манёвра? Когда она развернулась. Надо было прижать к туче, не давать свободы. Мог ли спасти Шарля? Нет. Трос порвался. Я не мог его удержать. Мог ли предотвратить? Может быть. Если бы убил Взрывную сразу, не пытаясь взять живьём. Но тогда мы получили бы меньше денег. И город голодал бы ещё неделю.

Мысль, от которой хотелось сжать зубы, возвращалась снова и снова.

Если бы не выплатили налог – было бы хуже. Если Версе отвернётся от Тенебра, молниеотводы снимут первыми. Символически. Чтобы показать: вы больше не под защитой. Тогда гром-птицы спустятся ниже, к городу, где свет – редкость, а укрытий мало.

Без молниеотводов удары будут прямые. Дома загорятся. Люди умрут.

Без света не работают теплицы. Лампы питаются жемчугом. Жемчуг стоит денег. Денег нет – света нет.

Без теплиц заканчивается еда. Тенебр не производит ничего, кроме еды. Основную энергию и запчасти покупает у Версе. Это не катастрофа за ночь – это тихая, верная смерть.

Сначала умрут старики. Потом дети. Потом остальные. Город вымрет за полгода. Может, за год. Медленно. Мучительно.

И тогда смерть членов команды... становится платой. Четверо мертвы. Но город жив. Тысячи живы.

Это справедливо? Нет. Это необходимо? Да.

Мысль была холодной, как металл под пальцами. Не жестокой и даже хуже. Рациональной.

«Ты считаешь, что ты заплатил людьми за добычу», – сказал бы кто-то.

Дверь камбуза открылась без стука.

Огюст вошёл с кастрюлей в руках.

Он был широк, как его котлы, и прочен, как дубовая бочка, в которой годами держат вино. Казалось, такой человек должен двигаться тяжело – но на своей кухне он парил.

Шёл мягко, почти бесшумно, будто знал, где доски скрипят, и заранее с ними договаривался.

Жар очагов отполировал его лысину до тёплого, медного блеска. По бокам лицо обрамляли буйные седые бакенбарды, переходящие в знаменитые усы – два пышных, шелковистых гребня.

В минуты вдохновения или раздражения он подкручивал их машинально, даже не замечая. Сейчас они были идеально завиты – значит, готовил долго, с удовольствием.

Глаза у него были маленькие, тёмные, блестящие, как изюминки. Они почти не смотрели на лица – скорее скользили

по плечам, осанке, движениям рук.

Огюст видел не людей, а их голод, усталость и тоску. За секунду понимал, кому нужна жирная похлёбка, чтобы снова держаться на ногах, а кому – лёгкий бульон, чтобы не утонуть в собственной голове.

Говорили, что раньше Огюст служил в армии, был солдатом, даже участвовал в каких-то кампаниях.

Но однажды, после особенно кровавой битвы, он зашёл в полевую кухню, увидел, как кок кормит раненых, и решил, что кормить людей важнее, чем убивать.

С тех пор он брал в руки оружие только для защиты, а ножи чаще служили для разделки мяса и овощей.

Поварской нож на его шее, единственная реликвия, был когда-то подарен тем самым коком. Огюст никому не рассказывал эту историю, но команда знала. Рукоять деревянная, потёртая от времени. Лезвие узкое, длинное, острое. Не для боя – для работы.

Но если надо – Огюст знает, как им пользоваться.

Сегодня он нёс рататуй.

Арно нужен рататуй. Овощи, травы, оливковое масло. Лёгкая еда. Чтобы не отягощать желудок, когда душа уже перегружена.

Белый фартук – в начале вахты всегда безупречный – к этому часу уже превратился в полотно абстрактной живописи.

Пятна бульона – красные, жёлтые. Зелени – изумрудные.

Масла – золотистые. И чего-то, что Огюст называл «настроением» – разводы неопределённой формы и цвета.

Под фартуком – простая тельняшка и холщовые штаны. Он поставил кастрюлю на стол. Потом тарелку. Потом хлеб.

Белый, свежеиспечённый, пахнущий дрожжами и маслом. Такой хлеб в Тенебре был роскошью. Здесь Огюст пёк его каждый день.

– Остынет, – сказал он спокойно. – Тёплым мне нравится больше.

Голос был низким, мягким. Не приказ – предложение.

Арно кивнул, не поднимая глаз. Сабля легла обратно на скамью. Аккуратно. Бережно. Огюст сел напротив.

Не близко и не далеко. Ровно так, чтобы быть рядом, но не нависать.

Правильная дистанция. Достаточно близко, чтобы поддержать. Достаточно далеко, чтобы не давить.

Арно ел молча. Рататуй был вкусным – овощи мягкие, пропитанные маслом и травами. Томаты сладкие. Цукини нежные. Баклажаны, тающие во рту.

Вкусно. Но не чувствую. Еда как топливо. Жую, глотаю, не замечая.

Огюст ждал. Не торопил. Просто сидел, смотрел, ждал подходящего момента.

– Ты считаешь, – сказал он после паузы, – что ты заплатил людьми за добычу.

Не вопрос. Утверждение. Арно замер.

Ложка застыла на полпути ко рту. Потом медленно опустилась обратно в тарелку.

Он аккуратно сложил тряпку для чистки. Положил её рядом с пистолетом. Ровно. Параллельно краю стола.

Контроль. Я всё ещё контролирую. Руки не дрожат. Голос не срывается.

И когда он наконец заговорил, голос был низкий, с лёгкой хрипотцой, которую оставил на горле холодный ветер.

– Я считаю, – ответил он медленно, подбирая слова, – что, если бы мы не вышли, заплатили бы другие. Только позже и больше.

Пауза.

– Город не может ждать. Теплицы гаснут. Люди голодают. Каждый день промедления – это смерти.

Огюст медленно кивнул. Понимающе. Не осуждающе.

– Ты не ошибаешься, – сказал он. – Но ты опасно близко подошёл к тому, чтобы сделать из этого только свою ношу.

Арно поднял взгляд. Глаза встретились. Серо-стальные и тёмные. Капитан и кок. Два человека, которые знали цену жизни.

– Я несу ответственность за всех из вас, – сказал Арно твёрдо.

– Знаю, – спокойно ответил Огюст. – Поэтому и говорю.

Он разложил рататуй по тарелкам еще раз. Движения плавные, методичные. Ложка черпает овощи, выкладывает на тарелку.

Жизнь. Простая, земная, настоящая.

– Ты имеешь право думать о цене и ноше, – продолжил он, не поднимая головы. – Ты не имеешь права считать, что её нужно нести только тебе.

Арно сжал пальцы. Костяшки побелели. Ногти впились в ладонь.

– Я их повёл, – сказал он. – Значит, я и должен выдержать.

– Верно, – согласился Огюст. – Но не в одиночку. И не превращаясь в камень.

Он посмотрел прямо, без нажима. Глаза добрые, но твёрдые. Взгляд человека, который видел смерть и знал, как с ней жить.

– Команда каждый раз идёт за тобой не потому, что ты самый сильный. А потому, что раз за разом ты выбираешь людей.

Арно молчал.

Я выбираю людей? Или они умирают из-за моих выборов?

– Они видят, – добавил Огюст тихо, – что ты каждый раз мог бы выбрать проще. Продать свою душу подороже. Молчать громче. Закрывать глаза и отвернуться от страданий. И каждый раз ты это не выбираешь.

Он придвинул тарелку ближе.

– За это тебя и держатся. Не за приказы. Не за саблю.

Пауза.

Арно медленно взял ложку. Они поели молча. Не потому, что нечего было сказать – потому что сказанного было до-

статочно.

Рататуй согревал. Не только желудок – душу. Тепло, забота, внимание. То, чего так не хватало.

Огюст прав. Я не один. Команда со мной. Всегда была. Но от этого легче не становится. Потому что я всё равно отвечаю за каждого.

Огюст встал.

Собрал тарелки, поставил их в таз для мытья. Вытер руки о фартук.

– Когда Мадемуазель Рене вернётся, будут слова, – сказал он, уже у двери. – Цифры. Несправедливость. Ты вспылишь.

Арно усмехнулся.

– Знаю.

– Вспыли, – разрешил Огюст с улыбкой. – Тебе полезно иногда не сдерживать свой нрав.

Дверь закрылась. Арно остался один.

Он аккуратно собрал пистолеты, убрал их в кобуры. Детали встали на места – щелчок, защёлка, готово.

Посмотрел на саблю. Взял её, провёл пальцем по лезвию. Острая. Готова. Убрал в ножны.

Потом выпрямился. Вдохнул. Выдохнул.

Рене скоро вернётся. И я узнаю, сколько нам дали. Сколько стоят жизни моих людей в глазах Версе.

В это же время, на другой стороне порта.

В это же время, на другой стороне порта.

Административное здание Версе больше напоминало

дворец, чем портовую контору.

Белый камень, отполированный до мягкого блеска, поднимался широкими террасами. Внутри воздух был тёплым и сухим, пах воском, бумагой и дорогими чернилами.

Люди в белых с золотом камзолах двигались быстро и точно, будто были частью одного механизма. Адъютанты с кипами документов пересекали залы, выстукивая сапогами ровный, почти маршевый ритм.

Бюрократия здесь имела свой звук.

Потолки тонули в роскоши: лепнина казалась воздушной, фрески изображали небесные баталии, стройные корабли флота Небесного дозора, идеальные облака без шрамов от молний и взрывов.

На этих картинах никто не падал вниз.

Рене шла прямо, не оглядываясь.

Спина ровная, подбородок поднят, взгляд вперёд. Аристократическая выправка. Годы тренировок.

Не дать им увидеть страх. Не дать понять, что волнуюсь.

У дверей офиса её остановили служивые.

– Мадемуазель Валуа, дождитесь разрешения войти.

Она уже собиралась ответить, когда из-за двери раздался спокойный, ленивый голос:

– Пусть проходит.

Он знал, что я приду. Ждал.

Охрана отступила. Дверь открылась. Внутри было тихо.

Часы с маятником мерно отсчитывали секунды, создавая

иллюзию порядка. Тик-так. Тик-так. Монотонно, гипнотически.

На стене висела карта небесных путей, испещрённая пометками и стрелками. Красные линии – опасные зоны. Синие – безопасные маршруты. Чёрные – запретные.

Дюге Труен сидел за столом так, будто тот был продолжением его самого. Тёмные волосы убраны аккуратно, без лишней щегольской вольности. Лицо резкое, выточенное, с высокими скулами и тонким шрамом у губ – след старой дуэли.

Глаза тёмные, почти чёрные, внимательные и холодные, но не пустые: в них жила искра азарта, которую не могла вытравить ни служба, ни годы. Это были глаза человека, которому нравится выигрывать – и который привык это делать.

Мундир офицера Версе сидел безупречно: тёмно-синий, с серебряными галунами, без лишних знаков отличия.

Но Рене заметила детали сразу.

Лёгкие сапоги, удобные для быстрого шага, а не для парадов. Под тканью – не шёлк, а плотная кожа. Он одевался не как чиновник и не как светский лев.

Он одевался как человек, который не исключает драку.

Авантюрист, научившийся говорить языком отчётов. Волк, занявший место среди овец не для того, чтобы притвориться одной из них, а чтобы считать их.

Он не поднял головы, когда Рене вошла.

Перелистывал бумаги неторопливо, будто время действительно принадлежало ему и только ему.

Демонстрация власти. Заставить ждать. Показать, кто здесь главный.

Рене остановилась у стола, сложив руки за спиной. Она ждала. Не двигалась. Не говорила. Просто стояла.

Я могу ждать. Я умею ждать.

Прошла почти минута. Тик-так. Тик-так. Часы отсчитывали секунды.

Только тогда он заговорил, всё ещё не глядя на неё:

– Похвально, мадемуазель де Фер. Две Синие, с четыре десятка стандартных. И даже громовой жемчуг Взрывной. Жаль, что не живую.

Он наконец поднял взгляд и чуть улыбнулся.

Эта улыбка. Я помню её. Когда-то она казалась мне очаровательной.

– Говорят, вы вышли сразу после миграции. Смело. Как погодка?

Рене промолчала.

Не дам ему удовольствия. Не буду играть в его игру.

Дюге пожал плечами, будто ожидал именно этого. Он взял со стола вексель и небрежно бросил его перед ней на край стола.

– Тысяча двести тридцать фунтов.

Рене не сразу поняла, что он сказал. Слова дошли медленно, как будто сквозь толщу воды.

Тысяча... двести... тридцать...

Потом посмотрела на бумагу. Потом снова на него.

– Что?

Голос сорвался. Впервые за весь разговор – сорвался.

Она опешила. По её расчётам добыча за два рейса – три синие, одна взрывная, сорок одна лепёшка – должна была стоить никак не меньше четырёх тысяч. Даже с учётом потерь.

Она открыла папку. Медленно и внимательно перечислила:

– Три синие. Одна взрывная – жемчуг. Сорок одна лепёшка. С предыдущего рейса восемнадцать, с текущего – двадцать три. Это как минимум пять тысяч.

Дюге слушал с вежливым интересом. Потом откинулся в кресле.

– Изменённые коэффициенты, – сказал он легко. – Миграционные потоки. Совет, во главе с Губернатором, пришёл к мысли о необходимости лицензирования. Лицензии нет – тариф меньше. Всё просто, *ma chère*.

Рене дёрнулась, будто её ударили. Её рука в крепкой кожаной перчатке легла на эфес шпаги не для угрозы, а по привычке, которая всегда возвращала ей чувство контроля.

– Не смей, – резко сказала она. – Ты потерял право звать меня так много лет назад.

В голосе прорвалось то, что она слишком долго держала под замком: злость, унижение и воспоминания. На мгновение маска треснула.

Но лишь на мгновение.

Она медленно вдохнула, выпрямилась, снова сложила руки за спиной. Лицо стало спокойным, почти холодным – тем самым, каким его знали на службе.

– Мы говорим о расчётах и обязательствах, – продолжила она уже ровно. – Лицензирование вводится не задним числом. Условия согласовываются заранее. Вы не имеете права пересчитывать добычу после выхода в небо.

Дюге чуть склонил голову, словно признавая красивый ход.

– Раньше – не имею. Сегодня – имею.

Он поднялся. Обошёл стол, остановился у окна, выходящего на порт. Белые башни Версе отражали последние отблески солнца. Корабли флота стояли ровными рядами, как игрушечные.

Рене почувствовала, как внутри что-то холодно сжалось.

– Вы знали, – сказала она. Это было не вопросом.

– Конечно. – Он улыбнулся уголком рта. – Для этого меня здесь и держат.

Она сделала шаг вперёд.

– Вы подставили людей. Нам пришлось выйти сразу после миграции, потому что городу не хватает оплатить возросший налог. Потому что вы сами...

Он обернулся резко, и улыбка исчезла.

– Люди страдают везде, мадемуазель. Это не аргумент.

Он подошёл ближе. Слишком близко для делового разговора. Раньше она бы это заметила иначе.

– Вы работаете без лицензии. Без права. Без защиты. Сегодня Совет решил напомнить вам, кто здесь даёт разрешение дышать. Я лишь передаю решение. C'est la vie.

– Нет, – сказала Рене. – Вы им пользуетесь.

Он рассмеялся тихо, почти добродушно.

– Я пользуюсь реальностью. А вы всё ещё считаете, что правила – это договорённость между честными людьми.

Он постучал пальцем по векселю.

– Тысяча двести тридцать. За вычетом суммы долга Тенебра и стоимости лицензии. Возьмите или оставьте. Завтра коэффициент может быть ещё ниже.

Рене смотрела на бумагу, будто видела её впервые.

– Вы знаете, что эта сумма не покроет даже похоронные четырёх человек, – сказала она. – Мы потеряли людей в этом рейсе.

– Знаю.

Он не отвёл взгляда. И в этом было хуже всего.

– Тогда это не экономика, – сказала она. – Это демонстрация.

Дюге пожал плечами.

– Назовите как угодно. Мне поручили навести порядок. Тенебр слишком долго жил в тени, не платя за свет.

Она выпрямилась.

– Вы были другим.

На мгновение в его глазах что-то дрогнуло. Не раскаяние – раздражение.

– Люди не меняются, мадемуазель. Они просто перестают притворяться.

Он вернулся к столу и сел.

– Передайте капитану Арно, что я уважаю его решение. Он поступил мудро, оставшись на корабле.

Рене медленно вдохнула.

– Он хотел прийти сам.

– Я знаю.

Он взял перо.

– И именно поэтому пришли вы.

Она поняла всё сразу.

Он знал, что Арно вспылит. Знал, что разговор сорвётся. Знал, что это дало бы ему формальный повод сделать следующий шаг.

Она взяла вексель.

– Это не конец, – сказала она.

– Для этого рейса – конец, – ответил он, уже глядя в бумаги. – Для вас... посмотрим.

Рене развернулась и вышла, не хлопнув дверью.

Коридоры Версе всё так же пахли воском и чернилами. Бюрократия продолжала идти своим ровным шагом. Никто не заметил, что только что было решено, сколько стоит человеческая жизнь.

На борту *Téméraire* Арно ждал у трапа.

Он понял всё ещё до того, как она заговорила. По тому, как она держала плечи. Чуть опущенные, будто несла тяжё-

лый груз. По тому, как сжимала бумагу. Слишком крепко, костяшки побелели. По тому, как смотрела. Не в глаза – мимо.

Плохие новости. Очень плохие.

– Они всё спланировали заранее, – сказала Рене тихо. – И изменили правила приёмки.

Арно не стал сразу говорить.

Он выслушал Рене до конца. Капитан взял вексель, посмотрел на цифры и аккуратно сложил бумагу. Не сжал, не смял – просто сложил, как складывают карту перед тем, как решить, куда идти. Закрыв глаза на мгновение. Потом вдохнул.

Арно не стал сразу говорить. Он выслушал Рене до конца: не перебивал, не вскакивал, не кричал. Просто слушал, впитывая каждое слово и каждую цифру.

Тысяча двести тридцать. За три синих, одну взрывную, сорок одну лепёшку. За четыре жизни.

Капитан взял вексель, посмотрел на цифры и аккуратно сложил бумагу. Не сжал, не смял – просто сложил, как складывают карту перед тем, как решить, куда идти. Закрыв глаза на мгновение.

Дышать. Просто дышать.

Потом вдохнул.

– На похороны хватит?

Вопрос был простым и практическим, по делу.

Рене не ответила сразу. Губы дрогнули. Хотела что-то ска-

зять, но слова застряли.

– Арно...

– Я прогуляюсь, – сказал он, уже отходя от трапа.

Голос был ровным, даже слишком. Спокойствие перед бурей.

Он был сорвиголовой. Всегда им был. Но дураком – никогда.

Рене не сразу поняла, что он имеет в виду. Потом увидела направление его шага – не в сторону города, не к администрации, а вбок, туда, где портовые огни редели, а тени становились гуще.

Она хотела окликнуть его, остановить, но слова застряли в горле.

– Будь осторожен, – прошептала она в пустоту.

Арно уже скрылся в темноте.

А где-то над портом, в вышине, медленно гасли огни Версе, и город готовился к ночи, не зная, что в его тени уже зреет буря.

Глава 6. Наблюдатель

Лейтенант Поль Киднус не любил Версе.

Не из-за архитектуры – белый камень, чистые линии, фонтаны на площадях. Всё это было правильно, логично, красиво. Симметрия зданий радовала глаз. Пропорции соответствовали золотому сечению. С точки зрения геометрии город был идеален.

Не из-за людей – аристократы в шёлке, купцы в бархате, слуги в ливреях. Они просто выполняли свои роли. Каждый знал своё место в социальной иерархии. Система работала предсказуемо.

Он не любил Версе из-за неэффективности.

Город жил по законам театра, а не уравнений.

Каждый жест рассчитан на зрителя, каждое слово – на эффект. Энергия тратилась не на дело, а на видимость дела. Офицеры тратили три часа на утренний туалет. Чиновники проводили совещания, на которых ничего не решалось. Аристократы устраивали балы, где обсуждали погоду вместо политики.

Время – невозполнимый ресурс. А они тратят его на пустоту.

Это раздражало.

Поль стоял на верхней палубе дозорного фрегата "Непобедимый" и смотрел вниз, на белые улицы, расплзающиеся

лучами от центральной площади.

Высота – примерно триста метров над уровнем платформы. Ветер – северо-западный, три метра в секунду. Температура – плюс восемнадцать по Цельсию. Влажность – сорок два процента. Облачность – ноль. Видимость – отличная.

Идеальные условия для наблюдений.

Его правая рука держала подзорную трубу – латунную, отполированную до зеркального блеска. Механизм фокусировки работал плавно, без заеданий. Линзы чистые – Поль протирал их каждое утро замшей.

Левая рука держала записную книжку в кожаном переплёте.

Кожа была тёмной, потёртой от постоянного использования. Переплёт крепкий – прошит вручную вощёной нитью. Страницы плотные, не размокают от влаги.

Они были исписаны ровным, почти механическим почерком – цифры, схемы, заметки. Ни одной помарки. Ни одного зачёркивания. Поль писал сразу начисто. Ошибки допускали слабые умы.

Сегодня ему исполнилось двадцать три года.

Никто не знал об этом. Он не считал нужным сообщать.

День рождения – произвольная дата. Земля совершила очередной оборот вокруг солнца. С момента моего рождения прошло двадцать три таких оборота. Факт, не требующий празднования.

Внизу, на причале, выгружали товары. Грузчики таскали

ящики – медленно, неэффективно. Поль подсчитал: при правильной организации труда они могли бы работать на тридцать процентов быстрее.

Но никто не считает. Никто не оптимизирует. Работают как привыкли.

Он навёл трубу на корабль у дальнего причала.

Téméraire. Старый клипер класса "Буря". Длина – шестьдесят два метра. Ширина – двенадцать с половиной метров. Осадка – четыре метра. Экипаж – по документам сто человек, по факту вдвое больше.

Перегружен. Должен быть медленнее конкурентов. Но почему-то не отстаёт.

Поль записал в книжку:

16:15. "Téméraire" у причала №7. Разгрузка завершена. Команда на палубе – состояние: усталость, напряжение. Потери в последнем рейсе – предположительно есть (пустые места у борта, траурные повязки на двух матросах).

Он закрыл книжку, убрал в карман мундира. Ткань шерстяная, тёмно-синяя, без единого пятна. Пуговицы начищены до блеска. Погоны ровные – один просвет, одна звезда. Младший лейтенант.

Не самый высокий чин. Но достаточный для наблюдений. Никто не обращает внимания на младших офицеров.

– Лейтенант Киднус, – окликнул его старший офицер, капитан Лефевр.

Поль обернулся.

Капитан Лефевр был грузным мужчиной лет пятидесяти. Лицо красное – сосуды расширены от злоупотребления алкоголем. Нос с фиолетовыми прожилками. Глаза мутные. Руки дрожат – лёгкий тремор, признак начинающегося алкоголизма.

Через пять лет он будет непригоден к службе. Через десять – умрёт от цирроза. Если не погибнет раньше в небе из-за замедленной реакции.

Запах коньяка был ощутим даже на расстоянии трёх метров.

– Доклад, – сказал Лефевр.

Голос хриплый, прокуренный. Ему было сложно выговаривать слова чётко.

Поль захлопнул книжку и повернулся. Отсалютовал – ровно, без лишних движений. Правая рука к виску, локоть под углом сорок пять градусов, пальцы сомкнуты.

– Корабль *Téméraire* прибыл в порт один час семнадцать минут назад, сэр. Груз выгружен за тридцать две минуты. Старпом Валуа провела переговоры с комендантом Дюге в административном здании. Продолжительность встречи – двадцать восемь минут. Результат – по визуальной оценке неудовлетворительный.

Лефевр моргнул. Явно не ожидал такой детализации.

– Э-э... хорошо. Что ещё?

– Инициирован конфликт с персоналом доков в связи с новыми правилами приёмки. Канонир Гаспар выразил недо-

вольство – громкость голоса превысила норму на двадцать процентов. Старпом остановила инцидент до перехода в физическую стадию.

Лефевр хмыкнул.

– Пираты. Что с них взять.

Он махнул рукой небрежно, будто отгоняя муху.

Жест неточный. "Пираты" – некорректное определение.

Формально они легальны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.